

С. Ю. Харькова S. Yu. Kharkova
(Липецк) (Lipetsk)

Гидронимы в северно-русских былинах Hydronyms in bylinas of the Russian North

Аннотация

В рамках проблемы историзма русского героического эпоса рассматриваются 12 наиболее частотных гидронимов русских былин: 1) сакральные реки (Дунай, Смородина, Иордан); 2) реки и водные объекты Киевской Руси (Пучай, Днепр, Черное море); 3) реки и водные объекты Новгорода Великого (Ильмень, Волхов); 4) реки и водные объекты Московской Руси (Волга, Хвалынское / Каспийское море, Дон, Енисей). Цель работы — проанализировать мифологические основы образов эпических рек, озер и морей и соотнести былинные гидронимы с реально-географическими и реально-историческими наименованиями. Рассмотренные гидронимы показывают тенденцию русского героического эпоса к переходу от мифологической картины мира к исторической. Мифологическая и историческая семантика гидронимов зависит от времени их вхождения в эпическое пространство.

Ключевые слова: русские былины, гидронимы, проблема историзма былин, мифология и история, река в былинах, море в былинах, озеро в былинах

Abstract

Within the problem of historicism of the Russian heroic epos the 12 most frequent hydronyms of the Russian bylinas are discussed: 1) sacred rivers (Danube, Smorodina River, Jordan River); 2) rivers and water bodies of Kievan Rus' (Puchay River, Dnieper, Black sea); 3) rivers and water bodies of the Novgorod the Great (Lake Ilmen, Volkhov River); 4) rivers and water bodies of Muscovite Rus' (Volga River, Khvalyn / Caspian sea, Don River, Yenisei River). The purpose of the article is to analyze the mythological foundations of the images of epic rivers, seas and lakes and to correlate the hydronyms in bylinas with the geographical and historical place names. The hydronyms shows a tendency of Russian bylinas to transition from the mythological world views to the historical ones. Mythological and historical semantics of the hydronyms depends on the time of appearance of these place names in the heroic epos.

Keywords: Russian bylinas, hydronyms, problem of historicism of bylinas, mythology and history, river in bylinas, sea in bylinas, lake in bylinas

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-408-475

Со времени открытия русского героического эпоса и до сих пор проблема его историзма остается актуальной. В настоящей статье рассматриваются 12 наиболее частотных гидронимов русских былин (Дунай, Смородина, Иордан, Пучай, Днепр, Черное море, Ильмень, Волхов, Волга, Хвалынское / Каспийское море, Дон, Енисей). Предпринимается попытка анализа мифологических основ образа того или иного водоема в песенном эпосе и рассматриваются соотношения былинных рек, озер и морей с реально-географическими и реально-историческими водными объектами.

Инструментарием для работы послужили указатели этнических и географических названий книг серии «Былины» Свода русского фольклора. На настоящий момент издано десять томов данной серии, посвященных былинной традиции на Печоре¹, Мезени², Кулое³, Пинеге⁴, Пудог⁵. Помимо этих сборников были использованы и классические собрания русского былинного эпоса, еще не вошедшие в Свод русского фольклора: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым»⁶, «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым»⁷, «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.»⁸, «Беломорские былины, записанные А. Марковым»⁹, «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским»¹⁰, «Былины Севера» (под ред. А. М. Астаховой)¹¹.

Исследование показало, что все эпические гидронимы можно разделить на 4 группы: 1) сакральные реки; 2) реки и водные объекты Киевской Руси; 3) реки и водные объекты Новгорода Великого; 4) реки и водные объекты Московской Руси.

¹ Былины Печоры / Корпус текстов подготовили В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 1–2) (далее — Былины Печоры).

² Былины Мезени / Корпус текстов и комментарии подготовили А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.; М., 2003–2006 (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 3–5) (далее — Былины Мезени).

³ Былины Кулая / Издание подготовили Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.; М., 2011 (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 6) (далее — Былины Кулая).

⁴ Былины Пинеги / Издание подготовили Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.; М., 2012 (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 7) (далее — Былины Пинеги).

⁵ Былины Пудог / Издание подготовили М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013–2016 (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 16–18(2)) (далее — Былины Пудог).

⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977 (далее — К. Д.).

⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1989–1990. Т. 1–2 (далее — Рыбн.).

⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. / Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1949–1951. Т. 1–3 (далее — Гильф.).

⁹ Беломорские былины, записанные А. Марковым / Предисл. В. Ф. Миллера. М., 1901 (далее — Марк.).

¹⁰ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. М., 1905. Ч. 1; Ч. 2. // Труды Музыкально-этнографической комиссии Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. М., 1911 (Известия ИОЛЕАЭ, сост. при имп. Моск. ун-те. Т. 114; Труды Этнографического отдела. Т. 16) (далее — ММБ).

¹¹ Былины Севера / Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2 (далее — Аст.).

І. Сакральные реки былинного эпоса

В текстах былин имеются гидронимы, обозначающие реки, никогда не входившие в состав Русского государства, однако значимые для русской духовной культуры. К таким рекам относятся *Дунай*, восходящий к образу реального Дуная, но в фольклоре имеющий черты мифологической сакральной реки; *Смородина*, не имеющая исторического прообраза, но занимающая важное место в русском фольклоре; *Иордан*, ставший сакральной рекой в сознании восточного славянства с принятием христианства и занявший свое место в фольклоре. Семантика этих рек в былинах определяется мифологическим значением.

Дунай («заимств. через гот. *Dōnawī из кельт.-лат. Dānuvius, родственного авест. danu- “река”. др.-инд. dānu- “сочающаяся жидкость”, осет. don “река”¹²) — вторая по протяженности (после Волги) река Европы. Он протекает по территории современных Германии, Австрии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Болгарии, Румынии, Украины и Молдовы и впадает в Черное море¹³.

Очевидно, что Дунай не относится к числу рек, протекавших по территории Древнерусского государства, — там, где складывался и развивался русский героический эпос, но, тем не менее, эта река присутствует в славянском фольклоре, в том числе и в русских былинах. Примечательно и то, что на территории расселения славянских народов многие реки получали названия с корнем *дунай*-¹⁴. Исследователи объясняют значимость Дуная в духовной культуре славян важной ролью этой реки в славянском этногенезе¹⁵.

В рассматриваемых былинных собраниях гидроним *Дунай* присутствует в 46 текстах 12 сюжетов: «*Дунай Иванович — сват*» (в 25 текстах от 20 исполнителей), «*Добрыня и Алеша*» (в 9 текстах от 6 исполнителей), «*Дюк Степанович и Чурила Пленкович*» (в 2 текстах), «*Сорок калик*» (в 2 текстах), «*Исцеление Ильи Муромца*» (в 1 тексте), «*Камское побоище*» (в 1 тексте), «*Алеша Попович убивает татарина*» (в 1 тексте), «*Михайло Потык*» (в 1 тексте), «*Михайло Данилович*» (в 1 тексте), «*Василий Буслаевич и новгородцы*» (в 1 тексте), «*Козарин*» (в 1 тексте), «*Илья Муромец и Батый-царь*» (в 1 тексте).

Дунай как былинная река известен в большинстве эпических регионов Русского Севера: на Печоре (3 записи), Мезени (9 зап.), Кулое (5 зап.), Пинеге

¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 552–553.

¹³ Михайлова М.В. Дунай // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 408–410.

¹⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 553.

¹⁵ Об этом см.: Мачинский Д.А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110–171; Иванов В.В., Топоров В.Н. Дунай // Мифологический словарь. М., 1990. С. 197–198; Петрухин В.Я. Дунай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 146–147.

(1 зап.), на Зимнем (2 зап.) и Терском (2 зап.) берегах Белого моря, в Кижях (13 зап.), на Пудогге (11 зап.). Он упоминается и в сборнике Кирши Данилова (1 текст).

Формульное поле рассматриваемого гидронима в былинах довольно узкое. Дунай в основном характеризуется как *река*, иногда как *реченька* (в 3 записях) или *речка* (в 3 записях). Вариативность самого гидронима невелика: *Задунай* (Былины Мезени, № 123–124), *Дунаевка* (Былины Мезени, № 119), *река Дунаева* (Гильф., № 81 и Рыбн., № 215).

В случае с Дунаем, как и в ситуациях с другими былинными водоемами, реке (даже мужского рода) приписывается материнское начало, уходящее корнями в мифологию. Для некоторых рек определение «*матушка*» становится фактически постоянной характеристикой. Дунай матушкой назван лишь в 2 текстах (Былины Пинеги, № 88; Гильф., № 139), что, на наш взгляд, может говорить о том, что он не осознавался как в полной мере «своя» река. Постоянных эпитетов в связи с рассматриваемым гидронимом не замечено: единично Дунай-река характеризуется как *славная* (Былины Пинеги, № 88; Марк., № 10), *быстрая* (Былины Мезени, № 123–124; Марк., № 10), *тихая* (Былины Мезени, № 114), *привольная* (Рыбн., № 215).

Наиболее часто о Дунай-реке говорится в сюжете «*Дунай Иванович — сват*». В нем эта река проистекает от крови главного героя — Дуная, богатыря, носящего типичное древнерусское имя¹⁶. Он добывает невесту князю Владимиру и женится сам. В результате состязания с женой в меткости в стрельбе из лука Дунай попадает стрелой в жену, она погибает, и богатырь выясняет, что она ждала от него детей. Узнав об этом, Дунай бросается на свою саблю и умирает:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала *речка Дунай река*,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала *речка Настасья река*
(Гильф., № 94, ст. 313–316).

Мотив рождения рек от крови супругов завершает 8 мезенских, 2 кулойских, 1 золотицкую и 12 кижских вариантов. В 11 кижских текстах и 1 мезенском от богатыря Дуная протекает Дунай-река, а от его супруги — Настасья-река (вар.: Настасьина река, река Черная). В 7 мезенских, 2 кулойских и 1 золотицком вариантах от обоих героев или только от Дуная протекает одна река. Особенной художественной выразительностью отличаются былины Мезени: от Дуная протекает Дунай-река, а от его жены образуются крутые берега (Былины Мезени, № 114); от Дуная протекает Дунай-река, а от его жены вырастает кипарисное дерево (Былины Мезени, № 126); от Дуная протекает Дунай-река, а от нерожденного младенца вырастает ракитов куст (Былины Мезени, № 127).

¹⁶ Тушков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005. С. 195.

В варианте из Сборника Кирши Данилова фантастический элемент вообще отсутствует: герой бросается в уже существующую реку, и от его имени она получает название (К. Д., № 11).

Таким образом, в сюжете «*Дунай Иванович — сват*» обнаруживаются следы этиологического мифа: Дунай показан как **река, возникающая от крови богатыря в результате его смерти**. Мотив происхождения реки от крови героя имеется также в былинах «*Сухман*» (Сухман-река) и «*Непра и Дон*» (Непра-река, Дон-река).

Связь Дунай-реки со смертью проявляется и в других сюжетах. Так, в пудожских записях былины «*Добрыня и Алеша*», в эпизоде, где Алеша Попович приносит жене Добрыни Никитича ложную весть о гибели ее мужа, чтобы потом самому жениться на ней, Алеша говорит, что **место смерти** Добрыни Никитича — Дунай-река:

Головой-то лежит он во ракитов куст<т>,
А ногамы-то да во Дунай-реку
(Былины Пудог, № 112, ст. 33–34).

Во многих вариантах этого сюжета из других регионов тоже присутствует мотив ложной вести о смерти Добрыни, но только на Пудогe место гибели богатыря имеет четкую локализацию (среди всех 86 пудожских записей этого сюжета есть локализация места смерти Добрыни в 57, из них ракитов куст упоминается в 39, Дунай — в 6, Пучай — в 6, Смородина — в 1, Днепр — в 1 тексте, море — в 2 записях). Отметим, что в этом сюжете Дунай воспринимается как **далекое, «чужое» пространство** (Добрыня находится не на Руси, он «далеко» уехал, выполняя поручение князя Владимира).

Заслуживает внимания и «соседство» Дуная с ракитовым кустом, которое мы уже встречали в одном из вариантов «*Дуная-свата*» (Былины Мезени, № 127; см. выше). Их связь обнаруживается и в одной из печорских записей былины «*Михайло Потык*» (Былины Печоры, № 260). В ней Змея просит Потыка спасти ее детей из горящего ракитового куста, потушив огонь водой из Дуная:

Сдергивай сапог с ноги правая,
Беги скоро на Дунай-реку,
Зачерпни сапог до полна воды
И залей-загаси част ракитов куст.
(Былины Печоры, № 260, ст. 170–173).

Согласно исследованию А.М. Летовой, ракитов куст в русском фольклоре — это «знак печали, гибели»¹⁷. Дунай же, заменяя ракитов куст или выступая

¹⁷ Летова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 14.

с ним вместе, еще более упрочивает свою «иномирную» семантику, связанную со смертью.

Эта связь также просматривается и в некоторых других старинах. В мезенской записи былины «*Камское побоище*» богатыри окаменевают, когда пытаются перепрыгнуть Дунай (Былины Мезени, № 267). В золотицкой былине «Алеша освобождает из плена сестру» (Марк., № 64) Дунай упоминается в плаче сестры Алеши Поповича, попавшей в татарский плен. Девушка обращается к своему «счастью», к своей «талани», и спрашивает:

Ты куды, талань, у меня деваласе?
Ты в темном лесу ли, в леси заблудиласе,
<...>
Во Дунай-реке лежишь ты камешком горячим,
По синю ли по морю плаваешь ли серой утицей?
(Марк., № 64, ст. 129–130, 133–134).

Связь с «иным» миром в данном примере подчеркнута образом «камешка горячего» — одного из мифологических первоэлементов мира, символа «мертвой» природы, согласно народным представлениям¹⁸.

Чуть менее четко связь Дуная со смертью и «иным» миром проявляется в печорской былине о *Дюке Степановиче* (Былины Печоры, № 141). В этом варианте решающее состязание между Дюком и Чурилой Плёнковичем происходит именно на Дунае: Чурила не смог перескочить через реку, и Дюк убил его. Отметим, что в этой былине местом действия является Киев, и потому Дунай в данном случае может рассматриваться как «своя» река.

Еще одно мифологическое значение, которое может получать Дунай в былинах, в противоречие исторической реальности, — **река-граница государственной территории**. Так, в пинежском варианте старины «*Козарин*» из-за Дуная на Русь приходят татарские рати:

Що [из-]за славной из-за матушки Дунай-реки
Подымалисе тотара с войной с калмыками
(Былины Пинеги, № 88, ст. 1–2).

В кулойском варианте старины «*Камское побоище*» пограничная река обозначается удвоением гидронимов, однако очевидно, что исконным из пары «Дон-Дунай» является именно Дунай:

А-й из-за Дону-Дону, Дунай-Дунай,
Поднимался вор-собака Кудрёванко-царь
(Былины Кулая, № 28, ст. 1–2).

¹⁸ Левкиевская Е.Е., Толстая С.М. Камень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 448.

Оттенок значения пограничности, но, скорее, мифологической, чем исторической, можно усмотреть и в старине «*Михайло Данилович*», записанной на Терском берегу Белого моря. В ней герой, победив Калина-царя, идет к своему отцу Даниле Игнатьевичу и сначала не узнает его, волочащего «днишшо корабельное» и в поисках сына омывающего тела погибших в битве. После узнавания

Уж он (сын. — С.Х.) брал у ёго (отца. — С.Х.)
днишшо во праву руку,
Розмахал взял, бросил за *Дунай-реку*
(ММБ, 2, № 31, ст. 128–129).

Этот оттенок значения маркирован в данном примере предложением *за*.

Существуют также записи былин, в которых Дунай, в силу начавшегося разрушения эпической традиции, занимает место другой реки. В двух кулойских текстах сюжета «*Сорок калик*» Дунай оказывается местом паломничества калик вместо традиционного Иордана (Былины Кулая, № 75, 77). В кижском варианте былины *о Василии Буслаевиче* он течет в Новгороде вместо Волхова (Гильф., № 141). В золотицкой былинке *о Дюке Степановиче* Дунай заменяет Днепр: герой просит у матери благословения, чтобы отправиться в Киев, в том числе для того, чтобы искупаться в Дунае (Марк., № 113). Эти примеры свидетельствуют о том, что в период разложения былинной традиции Дунай четко осознавался сказителями как **одна из эпических рек**. Это видно и по прозаическому былинному тексту 1940 г. записи «*Илья Муромец и Батый*» (Былины Печоры, прилож. VII-6): богатыри отправляются собирать войско против Батыя, причем Илья Муромец ищет союзников по берегу Днепра, Алеша Попович — по Пучаю, а Добрыня Никитич — по Дунаю. В этом позднем тексте Дунай выступает как **одна из «своих» рек**, «чужой» («иной») семантики здесь не ощущается.

Реально-географические представления о реке Дунай слабо отразились в русском героическом эпосе. Так, в мезенской и пудожской былинных традициях в сюжете «*Соловей Будимирович*» может встречаться гидроним *Дунайское море*. Возможно, на его формирование повлияло существование какого-то представления о впадении реально-географического Дуная в Черное море:

Из-за того острова Кадольского,
Из-за того ли моря за *Дунайского*
Выходило выбегало тридцать кáраблей
(Былины Пудогы, № 403, ст. 1–3).

Точное знание того, что Дунай впадает в море, демонстрирует не севернорусская былинная традиция, а традиция, зафиксированная в Сборнике Кириши Данилова:

Сгареча он (богатырь Дунай. — С.Х.) бросился во быстру реку.
Потому быстра река *Дунай* словет,
Своим ус(т)ьем впала в сине море
(К. Д., № 11, ст. 384–386).

Слабый отголосок связи былинного Дуная с реальной географией можно услышать в одном из вариантов былины о *Дюке Степановиче*, галицко-волынском богатыре (Рыбн., № 215). В нем герой отправляется «от красного града от Воынища, / *По привольной реке по Дунаеви*» (ст. 1–2) в Киев. Конечно, река Дунай через Киев не протекает, однако устье Дуная в XII — начале XIV в. действительно находилось в сфере влияния Галицко-Воынской Руси¹⁹.

Наиболее явно связь былинного Дуная с историей и географией проявилась в позднем прозаическом тексте о богатырях 1975 года записи (Былины Мезени, № 267). В нем говорится о том, что Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович были приглашены «за Дунай, своих там как кровных братьев освободить тоже от нашествия» (ст. 72–73). Такая формулировка может иметь прямое отношение к русско-турецким войнам XIX вв.: Крымской войне 1853–1855 гг. и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Именно тогда, как известно, Россия выступала за освобождение из-под власти Османской империи южных славян и дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. Отметим также, что определение «братья» в отношении славян, в том числе и южных, согласно исследованию А. И. Грищенко, вошло в употребление в русской речи в 1860–1870 гг.²⁰

Суммируем семантику былинного Дуная в виде схемы 1.

Гидроним **река Смородина / Смородинка** является частотным на территории России. По данным Государственного водного реестра, это название в настоящее время носят 8 рек²¹. Название это прочно вошло и в произведения русского песенного фольклора.

В рассмотренных нами собраниях былин река Смородина присутствует в 61 тексте 15 сюжетов: «*Илья Муромец и Соловей-разбойник*» (в 29 текстах от 23 исполнителей), «*Наезд литовцев*» (в 7 текстах от 6 исполнителей), «*Исцеление Ильи Муромца*» (в 4 текстах), «*Соловей Будимирович*» (в 4 текстах), «*Добрыня и Алеша*» (в 3 текстах), «*Дюк Степанович и Чурила Плёнкович*» (в 2 текстах), «*Вольга и Микула*» (в 1 тексте), «*Добрыня и Змей*» (в 1 тексте), «*Отъезд Добрыни Никитича*» (в 1 тексте), «*Илья Муромец и Калин-царь*» (в 1 тексте), «*Три*

¹⁹ Назаренко А.В., Флоря Б.Н., Пашаева Н.М. Галицкая Русь // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 331.

²⁰ Грищенко А.И. Клише *братья-славяне* в русской публицистике: Современное употребление и проблема происхождения // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тезисы докладов междунар. научн. конф. М., 2011. С. 153–154.

²¹ Смородинка: Поиск по данным Государственного водного реестра [Электронный ресурс]. URL: <http://textual.ru/gvr/index.php?bo=0&wot=0&name=%D1%EC%E0%E4%E8%ED%EA%E0&num=&loc=&s=%CF%E0%E8%F1%EA> (дата обращения: 20.05.2017).

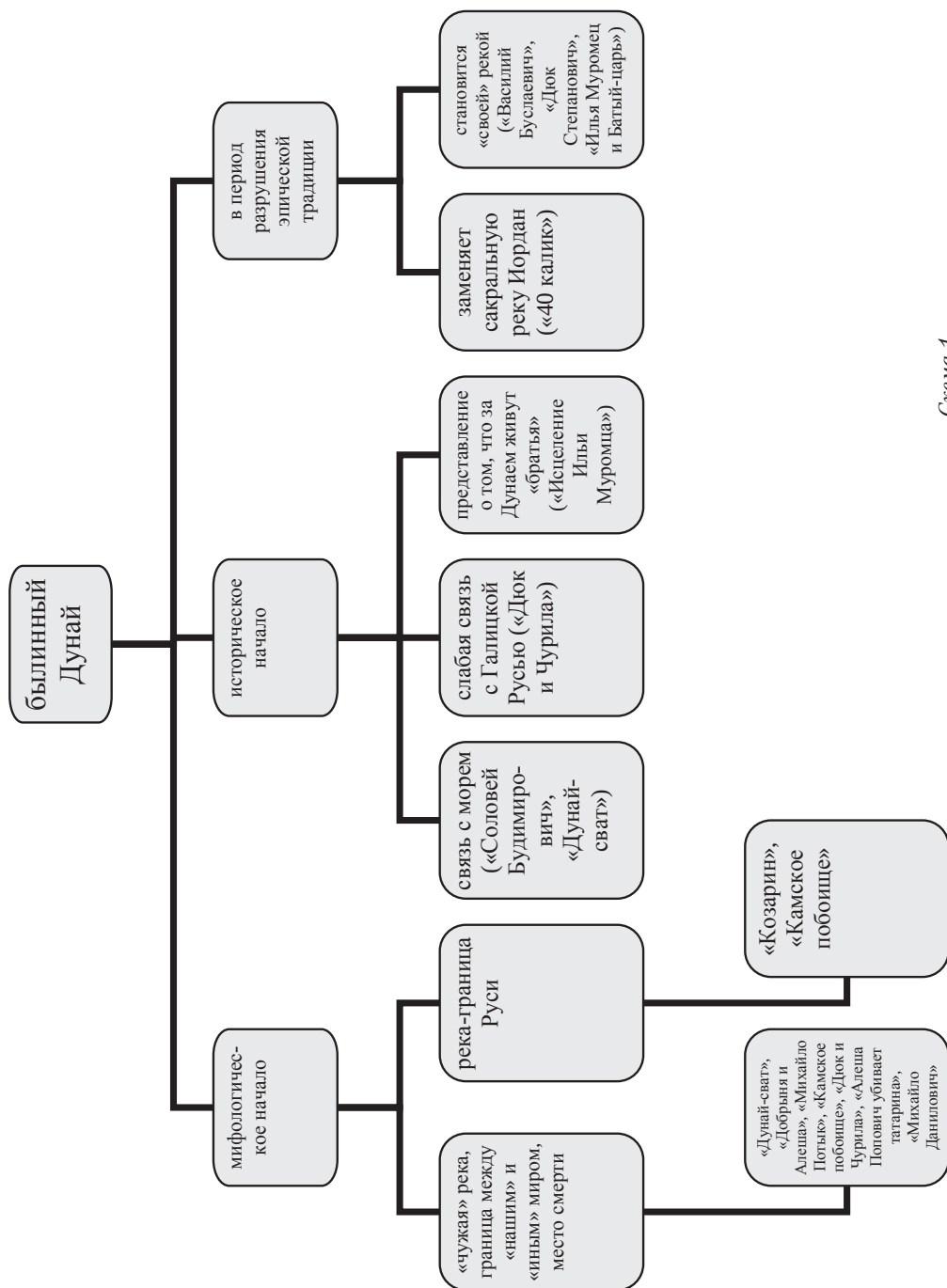

Схема 1

поездки Ильи Муромца» (в 1 тексте), «Михайло Потык» (в 1 тексте), «Иван Годинович» (в 1 тексте), «Василий Игнатьевич и Батыга» (в 1 тексте), «Саул Леваидович» (в 1 тексте), а также в *сводных былинах об Илье Муромце* (в 3 текстах).

Географически Смородина как река былин известна во многих эпических регионах Русского Севера: на Печоре (7 записей), Мезени (2 зап.), Кулое (3 зап.), Пинеге (6 зап.), Зимнем берегу Белого моря (5 зап.), в Толвуе (1 зап.), Кижях (7 зап.), на Космозере (2 зап.), в Пудожье (26 зап.), на Кенозере (1 зап.). В Сборнике Кириши Данилова эта река присутствует в одной былине.

Этимология рассматриваемого гидронима не является прозрачной. В науке сложилось несколько точек зрения на его происхождение. По мнению Н. Д. Квашнина-Самарина, изначально это наименование звучало как *самородина*, то есть «сама собою рождающаяся, первообразная» река²². Н. И. Коробка возводил его к корню *смрад / смород* и считал, что данная река, как и одноименная ягода, могла получить свое название по признаку запаха²³. Согласно еще одной теории, гидроним «Смородина» происходит от прилагательного *смурый* — «темный»: Т. Н. Кондратьева относил былинную Смородину к «типу черных речек, протекающих по низине среди болот»²⁴.

Предпринимались попытки найти реально-исторический и реально-географический прообраз этой реки. Так, по мнению В. Ф. Миллера, эпическую реку Смородину следует соотносить с рекой Смородинной, протекающей в Карачевском у. Орловской губ. Исследователь делал этот вывод на основании сходства топонимики: былинная Смородина располагается недалеко от Муромы, села Карачарова и Чернигова; на ней находятся девять дубов, на которых живет Соловей-разбойник, — реальная же река протекает около города Карачева и села Деветидубье, на территории бывшего Черниговского княжества²⁵.

Из текстов былин ясно, что в восприятии носителей эпической традиции Смородина была небольшой речкой. В 16 текстах из 61 она названа *речкой*, в 13 — *реченькой*. К самому гидрониму часто прибавляется суффикс *-к-* (Смородинка), свойственный названиям малых рек. Характеристика Смородины также больше соответствует реке небольшого размера: ее чаще называют быстрой (в 8 текстах), чем широкой (в 2 текстах). Определение *матушка / мать* встречается в связи с этой рекой в 7 текстах, из них в 4 она упоминается в запеве «в соседстве» с Волгой, типичной рекой-«матушкой» русских былин. Эпитет *славна(я)* зафиксирован в 2 текстах, в 1 тексте с выразительным суффиксом — *славненькая* (Рыбн., № 4). Вариативность фонетического облика гидронима минимальна: лишь в 1 тексте из 61 зафиксирована нетрадиционная форма *Смородовка* (Былины Кулоя, № 20).

²² Квашнин-Самарин Н. Д. Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. 1871. Кн. 4. С. 86–87.

²³ Коробка Н. Чудесное дерево и вещая птица. СПб., 1911. С. 11.

²⁴ Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 214.

²⁵ Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 187–189.

Наиболее часто река Смородина включается в былинное повествование об *Илье Муромце*. На пути муромского богатыря в Киев эта река становится или заставой, которую охраняет Соловей-разбойник (в 19 текстах), или отдельной непроходимой заставой (в 11 текстах):

Перва́ за́става — мхи-болота топучие,
А вторая за́става — протекла *ричка Смородина*,
А третья за́става — сидит Соловей — птица Рахматая
(Былины Пудог, № 210, ст. 43–45).

В отличие от былинных богатырских застав, находящихся на границе Русского государства и носящих реально-исторический характер, данная застава — это **демонический локус**, она сохраняет в себе следы **мифологической границы между «нашим» и «иным» миром**. Как писал В. Я. Пропп, «в эпосе никакого “иного” или “тридесятого” царства уже нет. Есть только рудименты, остатки его, и одним из таких рудиментов является Соловей-разбойник, сидящий на своей “заставе”»²⁶.

Обстановка заставы также имеет черты «иного» мира:

Как у тоя у Грязи у Черныя,
У тоя у березы у покляпыя,
У славного креста у Леванидова,
У славненькой у речки у Смородинки
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын
(Рыбн., № 4, ст. 28–32).

Черный цвет, грязь, «покляпая» (т.е. согнутая) береза, крест Леванидов, а также дубы, на которых может сидеть Соловей-разбойник, калинов мост, — все это несет в себе семантику «нечеловеческого», «чужого» пространства. В связи с «атрибутами» заставы отметим, что на их основе в период разрушения традиции и забвения названия реки Смородины могут возникать новые гидронимы — *река Калина* (Былины Мезени, № 286), *реченька Черная* (Гильф., № 112).

Мифологический «хранитель» реки Смородины — Соловей-разбойник, имеющий и птичьи, и человеческие черты. По выполняемой функции его можно сравнить со Змеем из былины *«Добрыня и Змей»*, который также «охраняет» реку и вступает в схватку с богатырем. Вероятно, именно типологическое сходство двух сюжетов привело к перенесению действия с Пучая на Смородину в поздних записях старин о змееборстве Добрыни Никитича (Былины Печоры, прилож. I-4; Былины Пинеги, № 142).

В период угасания эпической традиции на Смородине могут быть локализованы и другие события из «жизни» Ильи Муромца. В одном пудожском варианте там работают родители богатыря (Былины Пудог, № 287). Как сам Илья в традиционной версии сюжета забрасывает эту реку «дубьем», так и его

²⁶ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 254.

родители выполняют эту работу, когда после исцеления их сын приходит к ним. В ряде текстов о Смородине говорится как о реке, на которой «войско стоит черным-черно, как черна ворона» (Былины Пинегы, № 159, ст. 27–28; см. также Былины Пудогы, № 174, 208), хотя обычно Илья Муромец борется с вражеской силой в Чернигове. Возможно, такое перенесение стало возможным через посредство эпитета «черный», важного для былинной семантики и Чернигова, и Смородины. Река Смородина попадает и в одну из пудожских былин «Дюк и Чурила» (Былины Пудогы, № 345). В ней Смородина опять оказывается связанной с Ильей Муромцем: Дюк Степанович встречает Илью Муромца в шатре у реки Смородины, и они вместе отправляются в Киев. «Иномирная» семантика в этом примере сохраняется: Дюка к Смородине направляет говорящий ворон.

Упоминание реки Смородины в былинных текстах об Илье Муромце — общерусская традиция. В отдельных эпических регионах Русского Севера сложились и местные особенности употребления этого гидронима. Так, Смородина упоминается в ряде онежских былин, см. например, «Наезд литовцев» (Гильф., № 42; Аст., № 152; Былины Пудогы, № 539, 541, 544, 547, 549). Эта былина известна в нескольких эпических регионах, однако только в Прионежье в ней сохранилось название реки *Березины* — восточного притока Днепра, в XIV в. служившего границей между Брянским княжеством и Великим княжеством Литовским. На этой реке князь Роман выбирает, какую дружину ему взять с собой бороться с литовцами. В одной версии он определяет это по тому, как его воины пьют воду из реки («нападкой» или шеломами), в другой — с помощью жеребьевки (деревянные жребии хороших воинов плывут против течения).

В ряде текстов река Березина заменяется Смородиной или Пучаем — реками, традиционно выступающими как границы между двумя мирами. Гидроним *Березина* может переосмысливаться как название древесины, из которого делают жребии:

«Вот ты, — гов<ори>т (князь Роман. — С.Х.), —
сила-войско любимое!

Пейте воду во Почай-реки,

А режьте жеребья с березины»

(Былины Пудогы, № 554, ст. 45–47;

сходно — Былины Пудогы, № 555).

Наличие таких вариантов доказывает исконность именно Березины для этого сюжета. Замена же ее Смородиной или Пучаем объяснима с точки зрения «пограничной» семантики этих рек. Из рек-границ между «нашим» и «иным» миром они становятся границами Русского государства.

Вторая местная традиция использования гидронима Смородина сложилась на Печоре. Былинщики из Усть-Цилемской волости (Усть-Цилемского р-на) называли ее притоком Волги в запеве о «широкой реке» (сюжет «Соловей Будимирович»: Былины Печоры, №№ 165, 166, 168, 169). Этот же запев заменяет запев о туграх в одном из местных вариантов старины «Василий Игнатьевич и Батыга»:

Пролегала-просвистала да *быстра реченька*,
По прозванию-ту *реченька Смородина*,
Она усьём-то пала в Волгу-матушку;
Волга-матушка река да под Казань она пошла,
Под Казань она пошла, пошла под Вастрахань
(Былины Печоры, № 196, ст. 1–5).

В данных текстах река Смородина кажется хорошо известной и «своей».

Остальные случаи появления Смородины в сюжетах былин единичны. В них региональная традиция не прослеживается, однако на их примере можно увидеть постоянство семантики этой реки, ее функциональный характер (по определению Б. Н. Путилова²⁷). В сюжете «Илья Муромец и Соловей-разбойник», для которого Смородина наиболее характерна, в ней отчетливо прослеживаются два значения — **река, связанная с «иным» миром** (ее охраняет «иномирное» существо), и **река-граница** (она является заставой). С этими же значениями она проникает и в другие сюжеты.

Так, Смородина, как и Дунай, может быть рекой, у которой *Михайло Потык* встречается со Змеей — персонажем «иноного» мира. Змея просит его потушить огонь в ее гнезде:

У той же де *у реченьки у Смородины*
Ай горит-то змеино тепло гнездышко
(ММБ 1, № 13, ст. 161–162).

В одном из вариантов былины «*Дюк и Чурила*» галицкий богатырь Дюк Степанович отправляется к бабушке-задворенке за советом, как ему победить киевского щapa Чурилу Плёнковича:

И садилса он на добра коня,
Выезжал из города из Киева
Ко той *ко реченьки Смородины*,
Ко тому кресту ли Леванидову,
Ко той ли бабушке ко задворенки
(Былины Пудог, № 355, ст. 216–220).

В данном примере связь с «иным» миром прослеживается через образ бабушки-задворенки, доброй помощницы из волшебных сказок, а также через упоминание Леванидова креста, «чудодейственного креста» русского фольклора.

Связь реки Смородины **со смертью** прослеживается в пудожском варианте былины «*Добрыня и Алеша*». Для былин Пудог, как уже отмечалось, свойственна локализация места мнимой смерти Добрыни Никитича у реки. Это могут быть Дунай, Пучай или Смородина — реки, в семантике которых

²⁷ Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999. С. 41.

традиционно сильна связь с «иным» миром. Смородина в таком контексте упоминается один раз (Былины Пудог, № 89). Еще в одном тексте говорится о том, что Добрыня Никитич находится в шатре на реке Смородине во время свадьбы своей жены, однако мотив смерти в нем отсутствует (Былины Пудог, № 88).

Как и Пучай, Смородина может быть местом смерти Авдотьи, неверной невесты *Ивана Годиновича*. Около этой реки происходит их ссора, и герой убивает невесту. В конце старины он произносит такие слова:

А женилась у меня да сабля вострая,
Обвенчаласе она *у речиньки Смородинки*,
Тут я сходил Овдотьюшки буйну голову
(Марк., № 78, ст. 359–361).

В кенозерском былинном новообразовании «*Отъезд Добрыни*», построенном на основе традиционных эпических мотивов, Смородина является рекой, помутившейся от свиста «лютого скимер зверя»:

Да засвистал-де вор собака по-змеиному,
И под ним берёжки-то собачкой подломились,
И как *Смородина-то река* с песком смутилось
(Гильф., № 234, ст. 11–13).

Этот мотив, как и само название реки, перенесены в данный текст из былин о Соловье-разбойнике.

В космозерском тексте быliny «*Вольга и Микула*» оратай предупреждает Вольгу, собравшегося ехать за данью-«получкою»:

Ай же ты, Вольга Святославович!
Как живут-то мужички да все розбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы,
Да потопят ты в речку да *во Смородину*!
(Гильф., № 156, ст. 77–80).

Для этого сюжета река Смородина не характерна, однако ее появление в нем не противоречит ее семантике — это ***опасное место, которое может стать местом гибели героя***.

Второй, более узкий, круг сюжетов составляют былины, в которых акцентировано внимание на ***пограничном положении*** реки Смородины. Точного места нахождения реки Смородины в былинах не сообщается, однако она может осмысляться не только как граница между мирами, но и как пограничная река Русского государства. Таким образом, процесс историзации эпоса затрагивает и эту мифологическую реку русского фольклора. Помимо уже упоминавшихся вариантов старины «Наезд литовцев», такая семантика прослеживается в одном из вариантов быliny «*Илья Муромец и Калин-царь*»:

А приехал-то Калин собака да поганая
Ко той *ко реке ко Смородине*,
Ко тому ли ко дубу ко широку,
Ко тому ли камню к Олатырю
(Гильф., № 121, ст. 137–140).

Заметим, что, хотя враг в данном примере и имеет реально-исторический облик (татары), в описании места события явственно мифологическое начало (дуб и камень Алатырь).

То же значение *пограничности* река Смородина получает и в единственной былине из Сборника Кириши Данилова, в которой она упоминается, — «*Саул Леванидович*» (К.Д., № 26). В ней на Смородине также происходит битва с татарами:

Молодой Костентинушка Савулович
Поехал он дорогою среднею,
Доезжать *до реки Смородины*.
А втапоры Кунгур-царь перевозится
Со темя ли татары погаными,
Тут Костентинушка Савулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицою тяжкою
(К.Д., № 26, ст. 130–137).

Б.А. Рыбаков считал, что в этой былине описывается сражение с половцами 1169 г., а былинная Смородина соответствует летописной реке Снепород²⁸. На наш взгляд, этот текст стоит рассматривать как еще один пример реализации постоянной семантики реки Смородины — «река-преграда, река-граница, отделяющая “свой” мир от “чужого”»²⁹ (по определению Б.Н. Путилова).

Даже в позднейшие периоды бытования русского эпоса семантика реки Смородины коренным образом не изменялась, «своей» рекой она так и не стала (если не учитывать печорскую версию запева о «широкой реке»). Единственный вариант, в котором можно усмотреть новую семантику былинной Смородины, — уже называвшаяся сводная былина об Илье Муромце. В ней на Смородине работают родители богатыря:

А ведь и цїстя дубы ёны (родители Ильи Муромца. — С.Х.)
за три версты,
А ведь *во ту ли реку во Смородину*
(Былины Пудогин., № 287, ст. 161–162).

Подведем итоги. Схематически семантику Смородины в былинах можно передать следующим образом (схема 2).

²⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 143.

²⁹ Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 28–29.

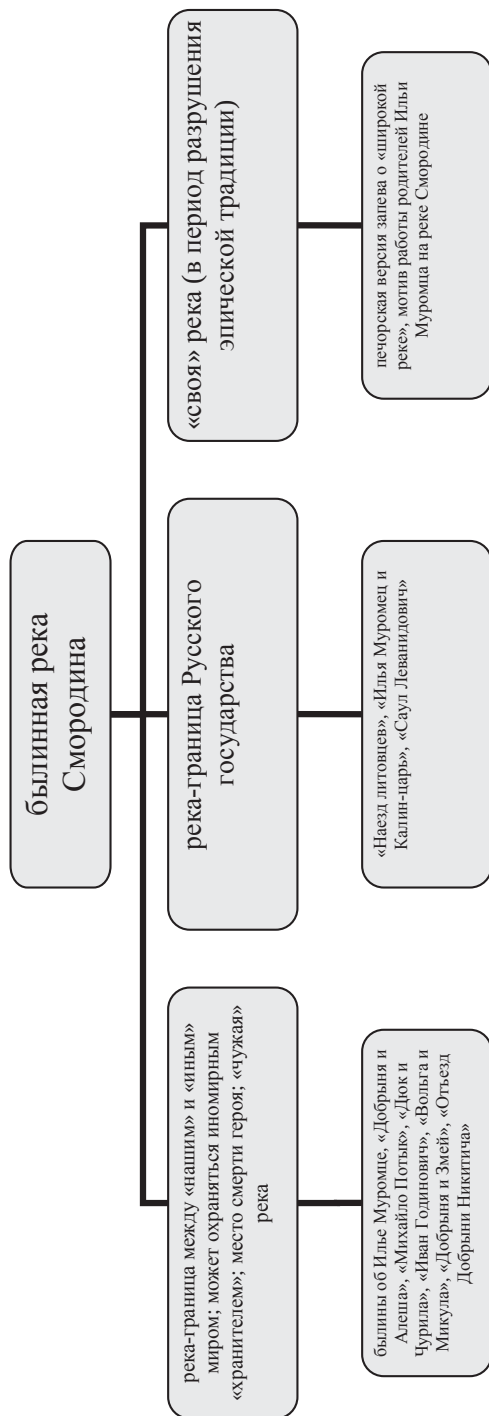

Схема 2

В отличие от Дуная и Смородины, река **Иордан** обладает христианской сакральностью. Эта ближневосточная река, впадающая в Мертвое море, считается местом крещения Иисуса Христа и для христиан является священной рекой, местом паломничества³⁰. С принятием христианства Иордан как сакральная река входит и в восточнославянский фольклор³¹.

В исследуемых былинных собраниях данная река встречается в 41 тексте 7 сюжетов: «Сорок калик» (в 14 текстах от 13 исполнителей), «Поездка Василия Буслаевича в Иерусалим» (в 9 текстах), «Василий Буслаевич и новгородцы» (в 8 текстах), «Илья Муромец и Идолище» (в 5 текстах от 3 исполнителей), «Василий Игнатьевич и Батыга» (в 3 текстах от 1 исполнителя), «Добрыня и Алеша» (в 1 тексте), «Алеша Попович и Тугарин» (в 1 тексте).

Иордан как былинный гидроним известен в большинстве эпических регионов Русского Севера. Тексты, в которых он упоминается, были записаны на Мезени (9 зап.), в Пудожье (9 зап.), на Кулое (7 зап.), Печоре (4 зап.), Зимнем берегу Белого моря (4 зап.), в Кижях (4 зап.), на Терском берегу Белого моря (2 зап.), на Выгозере (1 зап.), в Каргополье (1 зап.). Иордан упоминается и в Сборнике Кириши Данилова (в 2 текстах).

Былинщики называют эту реку «Ер(ы)дан(ь)-река», «Ёрдан(ь)-река», «Иордан(ь)-река», «Иердан-река». В упоминании ими этой реки ощущается некоторая строгость и холодность. Она редко именуется «матушкой» (в 3 текстах из 41). Лишь в одном тексте она получает эпитет — «во светой реке Иордан» (Былины Мезени, № 156, ст. 6, 91). В 2 былинах она называется *реченькой*, в 1 — *речкой*, в большинстве же текстов она просто река.

Основное значение реки Иордан в былинах соответствует исторической действительности. В 39 былинах из 41 эта река выступает как **место паломничества**. Так, в былине «Сорок калик» калики отправляются в Иерусалим:

Да пошли ли калики в Ерусалим-град
Уж как Господу Богу помолитисе,
На плакун-травы покатысисе,
Во Ёрдане во реке да окупатисе
(Былины Кулоя, № 70, ст. 20–23).

События этой старины происходят на пути героев в Святую Землю.

«Поездка Василия Буслаевича в Иерусалим» — единственный былинный сюжет, в котором Иерусалим становится основным местом действия. Новгородский бунтарь Василий Буслаевич вместе со своей дружиной отправляется в Святую Землю и там купается в Иордане:

³⁰ О значении реки Иордан в христианстве подробнее: Неклюдов К.В., Макаров Е.Е. Иордан // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 512–519.

³¹ Об Иордане в русских духовных стихах и заговорах: Юдин А.В. Иордан и Дунай в восточнославянском магическом фольклоре // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2004. № 1. С. 55–74.

Как пошли-то ко гробу ко Христовому,
Как Господу Богу помолитисе,
Ко Христовой гробнице приложитисе,
Да пошли-то нынъ тогда да на *Ердань-реку*
(Былины Печоры, № 245, ст. 91–94).

После купания, прыгая через камень, Василий погибает. Т. А. Новичкова отмечала, что сюжет былины мог сложиться не позднее XII в., так как на него не оказал никакого влияния литературный жанр «хождений» (возникший после XII в.). Кроме того, «именно для такого раннего периода были свойственны путешествия в Палестину по личному почину, а не в составе коллективных миссий»³².

В былинноведении есть несколько вариантов интерпретации купания Василия Буслаевича в Иордан-реке. В. Я. Пропп писал о том, что Василий своим поступком совершает кощунственный акт. Он «вызывает на бой <...> “нездешние” силы, предрассудки, в которые еще веруют его современники»³³. По мнению Ю. И. Юдина и И. Я. Фроянова, это купание было неудавшейся попыткой героя приобрести особые свойства путем «инициации»³⁴.

«Общим местом» былин становится описание «достопримечательностей» былинного Иерусалима. Оно сходно в обоих «иерусалимских» сюжетах: Иордан упоминается как одно из обязательных для посещения мест. Примечательно, что по текстам былин получается, что река Иордан протекает в самом Иерусалиме. Таким образом, прообразом былинного Иерусалима выступает не только реальный Иерусалим, но и фактически вся Святая земля.

Рядом с Иорданом могут упоминаться следующие объекты (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы, в эпическом Иерусалиме с реальными христианскими достопримечательностями Святой земли (Гроб Господень, «святая святых», церковь, святые мощи, гора Фавор) «соседствуют» мифологические объекты народного христианства — плакун-трава, кипарис и камень Латырь. Плакун — «в русских духовных стихах сказочная трава, выросшая из слез Богородицы, пролитых во имя крестных мук Иисуса Христа»³⁵. Кипарис — дерево, из которого, по преданию, был сделан крест, на котором был распят Иисус Христос. Камень Латырь — характерный образ русского фольклора; в народной славянской культуре камень — это один из первоэлементов мира, символ «мертвой» природы³⁶. Упоминание этих объектов свидетельствует о сильной

³² Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001. С. 48.

³³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 476.

³⁴ Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Об исторических основах русского былевого эпоса // Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. С. 30.

³⁵ Плакун-трава // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. С. 443.

³⁶ Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 448.

Таблица 1

Объекты	Регионы записи (количество текстов)								
	Печора	Мезень	Кулой	Зимний берег	Терский берег	Пудоба	Кизжи	Выгозеро	Каргополье
Гробница Господняя (Христова) (Господний гроб)	3	4		3	2	8	3	1	1
святая святыня	1	1		1		1	2		2
церковь божия (храм Преображенский)	1			1	1	1			
святые мощи (Адамовы мощи, честные мощи)		1	1	1				1	
Христово тело							1		
нетленная риза									1
свято озеро Лыбино				1					
Фавор-гора (святая гора)				1		2			
камень Латырь				1					
плакун-трава		4	6					1	
полян-трава			1		1				
кипарисное дерево						4			

доле мифологического начала в семантике былинного христианского Иерусалима.

В сюжете «Сорок калик» об Иордане и Иерусалиме не сообщается ничего, кроме основных «достопримечательностей». Более подробно «иорданский» локус разработан в былинах о гибели Василия Буслаевича. В них сообщается: река Иордан — особенная, и купаться в ней надо «особенно», не так, как в других реках. Причина этого указывается в большинстве вариантов: в ней «Сам Иисус Христос купалсэ, наш небесной царь» (Марк., № 52, ст. 428). В некоторых былинах говорится и о конкретной особенности купания в Иордане: надо купаться в рубашках (Марк., № 52; Былины Пудоби, № 523, 524; Рыбн., № 198). Именно так и поступает дружина Василия, сам же герой правило неизменно нарушает и погибает. Печорская былинная традиция придерживается искажающей действительность особенности купания в Иордане. Во всех 4 печорских вариантах, где упоминается Иордан, поется о том, что в этой реке «не купаются — обливаются» (Былины Печоры, № 243, ст. 124). К печорской традиции примыкает и один мезенский вариант (Былины Мезени, № 192).

Мотив купания в реке «особым» образом в связи с тем, что в ней крестился Иисус Христос, — это отражение реально существовавшей и существующей традиции купания в Иордане. Прочитываемая же в былинах идея неизбежности расплаты за «неправильное» купание идет от «народного» христианства.

К «нетрадиционным» можно отнести появление Иордана в четырех сюжетах. В них Иордан оказывается тесно связанным с каликами — обычными былинными

паломниками. В пудожских записях былины «*Илья Муромец и Идолище*» калика рассказывает Илье Муромцу о «наехавшем» в Киев Идолище, а также о своем пребывании в Иерусалиме (Былины Пудог, № 216, 220, 223, 226, 227):

Как шел-то еще в Ерусóлим-град,
Господу Богу помолился он,
Как в *Ердань-реки* покупался он,
В кипаричном дёрёви сушился он,
Господнему гробу приложился он
(Былины Пудог, № 223, ст. 14–18).

Аналогичным образом в другой пудожской былине *Алеша Попович* от калики узнает о *Тугарине* (Былины Пудог, № 302). В золотицком варианте старины «*Добрыня и Алеша*» (ММБ 1, № 12) Добрыня, приехав после долгого отсутствия, представляется матери каликой и рассказывает о том, чем занимался в Иерусалиме. С. Ю. Неклюдов писал: «В былине прослеживается довольно твердая приуроченность к определенным местам определенных ситуаций и событий»³⁷. Рассмотренные примеры показывают, что верно и обратное утверждение: определенные ситуации (рассказ калики) ведут за собой упоминание определенных мест (Иерусалима и Иордана).

Иордан не типичен и для сюжета «*Василий Игнатьевич и Батыга*». Название этой реки вносит в этот сюжет мезенская былинщица Т. Г. Немнюгина (Былины Мезени, № 184, 185, 346). В записях, сделанных от нее, Иордан опять оказывается связанным с «божественной» тематикой. Девица-Богородица, предчувствуя беду над Киевом, заходит в Иордан, читает Евангелие и плачет:

Как из той(и) же из цер(и)квы да всё из(ы) Божьей(и) же
Выходила там девица, да душа красная,
Выносила она книгу да на буйной главы,
Забродила она да во *Ердан(ы)-реку*,
Во *Ердан* она *реку* да всё до пояса
(Былины Мезени, № 184, ст. 9–13).

Подведем итоги (схема 3).

II. Былинные гидронимы Киевской Руси

Особенно частотными в текстах былин являются гидронимы, обозначающие реальные водоемы Древнерусского государства, имевшие важное значение для стольного Киева. К ним относятся *Пучай*, *Днепр* и *Черное море*. Хотя

³⁷ Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинах // Славянский фольклор. М., 1972. С. 30.

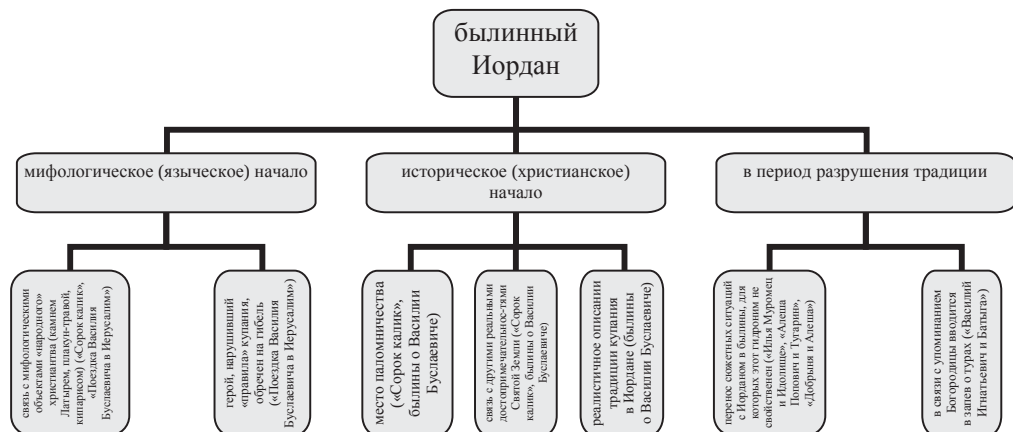

Схема 3

в указанных названиях отразились реальные географические объекты, в семантике этих былинных водоемов, как будет показано ниже, значительное место занимает мифологическое начало.

Пучай-река — самый распространенный гидроним русского героического эпоса. В былинной традиции Русского Севера она обнаруживается в 93 текстах 20 сюжетов: «Добрыня и Змей» (в 30 текстах от 21 исполнителя), «Добрыня и Аляша» (в 16 текстах от 15 исполнителей), «Дюк и Чурила» (в 16 текстах от 14 исполнителей), «Василий Игнатьевич и Батыга» (в 6 текстах), «Михайло Потык» (в 3 текстах от 2 исполнителей), «Иван Годинович» (в 2 текстах), «Калика-богатырь» (в 2 текстах), «Наезд литовцев» (в 2 текстах), «Чурила Плёнкович и князь» (в 2 текстах от 1 исполнителя), «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» (в 1 тексте), «Добрыня и Маринка» (в 1 тексте), «Исцеление Ильи Муромца» (в 1 тексте), «Алеша Попович убивает татарина» (в 1 тексте), «Чурила Плёнкович и Катерина» (в 1 тексте), «Иван Гостинный сын» (в 1 тексте), «Сухман» (в 1 тексте), «Оксёнышко» (в 1 тексте), в новообразованиях — о борьбе Добрыни Никитича с татарами (в 1 тексте), «Илья Муромец и Батый-царь» (в 1 тексте), «Илья Муромец и Бадан» (в 1 тексте), а также в сводной былинке о Добрыне Никитиче (в 3 текстах).

Пучай как былинная река известна практически во всех эпических регионах Русского Севера, за исключением Куоя. В Сборнике Кирши Данилова она отсутствует.

Фонетический облик гидронима подвергается незначительным изменениям. Помимо наиболее распространенных форм *Пучай-(река) / Почай-(река)* встречаются формы *Пуцй / Поцйй-река* (Марк., № 15, 112; Былины Пудог, № 42), *Пуче(о)в / Почев-река* (Былины Печоры, № 196, 197, 201, 207), *Почей / (О)тачей-река* (Былины Печоры, № 204; Былины Пудог, № 80, 167), *Пуцчай-река* (Былины Пудог, № 49, 50, 52, 128, 363; Аст., № 109, 109а; Рыбн., № 97), *Подчай-река* (Былины Печоры, № 182), «*ко Пуци-реки*» (Гильф., № 313), *реченька*

Почаева (Гильф., № 123, 128), *речка Пучайная* (Былины Пудог, № 40), *река Почаевка* (Былины Пудог, № 385). В 4 текстах из 93 Пучай названа *реченькой*, в 3 — *речкой*, в остальных она — просто *река*. В 17 текстах Пучай именуется *матушкой* / *маткой*. Для характеристики реки исполнители былин используют эпитеты разной семантики. С одной стороны, ее определяют как реку «свирепую» (в 5 текстах), «сердитую» (в 3 текстах), «змеиную» (в 1 тексте), «жестокую» (в 1 тексте), «страховитую» (в 1 тексте), «угрюмую» (в 1 тексте). С другой стороны, она «как лужа дождевая» (в 5 текстах) и «кратко-смирная» (в 2 текстах). К Пучаю применимы и характерные для многих былинных рек эпитеты: «славная» (в 4 текстах), «быстрая» (в 3 текстах), «великая» (в 2 текстах), «долгая, широкая, глубокая» (в 1 тексте). Эпитеты показывают противоречивый характер этой реки с преобладанием в нем отрицательных коннотаций.

Собиратели зафиксировали комментарии сказителей относительно этой реки: «Это река была у города Киева» (Былины Печоры, прилож. I-5, ст. 2); «Больша речушка, где-нибудь далеко, — в скольких старинах поетце!» (Марк., № 8); «Это такая река была: как богатыри подрастут, так и идут. Им интересно было купаться, кто порный» (Былины Пудог, № 51, ст. 153–154). По поводу других рек такие ремарки отсутствуют. Возможно, их появление связано с тем, что сами носители традиции не владели никакими сведениями о ней, помимо почерпнутых из былин, и потому стремились разъяснить своим слушателям, что это за река.

Большинство исследователей в качестве исторического прообраза былинного Пучая видит киевскую реку Почайну (Н. Д. Квашнин-Самарин³⁸, В. Ф. Миллер³⁹, В. Я. Пропп⁴⁰, Б. А. Рыбаков⁴¹, Т. Н. Кондратьева⁴²). Почайна — протока Днепра, известная прежде всего тем, что в месте ее слияния с Днепром в 988 г. произошло крещение киевлян. Во времена Древней Руси устье Почайны служило гаванью для прибывавших в Киев кораблей. В XVIII в. в связи с военными нуждами эта река была соединена каналом с Днепром, в результате чего часть ее русла слилась с Днепром⁴³. В середине XX в. в течение реки снова вмешались градостроители, и от Почайны осталось лишь шесть озер. Только в последние годы силами местных жителей началось возрождение реки⁴⁴.

³⁸ Квашнин-Самарин Н. Д. Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. 1871. Кн. 4. С. 82–83.

³⁹ Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 44.

⁴⁰ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 188.

⁴¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 69.

⁴² Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 210–211.

⁴³ Подробнее о Почайне: Обзорение Киева в отношении к древностям, изданное по высочайшему соизволению киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем. Киев, 1847. С. 13; Вортман Д. Я. Почайна // Энциклопедія історії України: В 10 т. Киев, 2011. Т. 8. С. 470.

⁴⁴ Морина А. На Оболони чиновники пытаются уничтожить историческую реку Почайна, в которой крестили Киевскую Русь [Электронный ресурс] // Комсомольская

Название *Почайна* в былинах не зафиксировано. Считается, что оно было переосмыслено в связи с глаголом «пучиться» (ср. «пучина»)⁴⁵. По мнению Т.Н. Кондратьевой, на формирование былинного гидронима могло повлиять и распространенное севернорусское наименование реки Поча (такое название носят несколько рек Архангельской области)⁴⁶.

Чаще всего (в 40 текстах из 93) Пучай-река появляется в былинах о Добрыне Никитиче. В сюжете *«Добрыня и Змей»* (а также в контаминированных текстах сюжетов *«Добрыня и Алеша»*, *«Добрыня и Маринка»*, *сводных былинах о Добрыне Никитиче*, в контаминированном варианте былины *«Оксёнышко»*) встреча богатыря со Змеем происходит именно на Пучае:

Купался Добрыня во Пучай-реке,
А по струечкам Добрынюшка поныркивал:
В струйку нырне, в другу вынырне.
Как нырнул Добрыня в <третью> струечку –
Захватила Змеища <трех>главая
(Былины Пудого, № 44, ст. 1–5).

В данной сюжетной ситуации в семантике реки Пучай на первый план выходит мифологическая составляющая. Это река, у которой есть мифологический «хозяин» — Змей; она может определяться как «змеиная» (Былины Пудого, № 53), Змей может называть ее своей рекой (Былины Пудого, № 56). Как замечает В.Я. Пропп, «генетически река, у которой обитает змей, восходит к представлениям о реке, отделяющей мир здешний от мира нездешнего»⁴⁷. Это «чужая» река. Показательно и то, какими гидронимами может заменяться Пучай в этом сюжете. Река может называться так же, как и сакральное растение (*Плакун-река* (ММБ 2, № 22)). Иногда в названии заключается идея опасности плавания в ней (*Неплынь-река* (Былины Мезени, № 15–17)). Гидроним может подчеркивать «обманчивый» характер реки (*Оманал-река* (Былины Мезени, № 13)). Таким образом, в образе былинного Пучая, как и в образе реки Смородины, отразились древнейшие мифологические представления о **реке-границе, разделяющей «наш» мир и «иной» мир, охраняемой враждебным к людям «хозяином»**.

Важно наблюдение Б. Н. Путилова: в связи с общей тенденцией эпоса к историзации в большинстве вариантов Змей выступает не только как «страж мифологических границ», но и как враг Русской земли, забирающий русских людей

правда в Украине. 2016. URL: <http://kp.ua/life/543689-na-obolony-chynovnyky-pytautsia-unchtozhyt-ystorycheskuui-reku-pochaina-v-kotoroi-krestyly-kyevskuui-rus> (дата обращения: 20.05.2017).

⁴⁵ См., например: *Квашнин-Самарин Н.Д.* Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. 1871. Кн. 4. С. 82.

⁴⁶ *Кондратьева Т.Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 211–212.

⁴⁷ *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 188.

в полон⁴⁸. Нередко Добрыня Никитич отправляется на Пучай не по собственному желанию, а по поручению князя Владимира. Соответственно, семантика Пучай-реки видоизменяется: она становится *рекой-границей Руси*. По мнению В.Г. Смолицкого, возникновение такого противоречащего исторической действительности образа Пучай-реки было возможно лишь в среде не-киевлян. Иными словами, данная версия сюжета сложилась не в Киеве⁴⁹. На наш взгляд, эту точку зрения сложно доказать, однако это противоречие показывает, что в образе былинного Пучая доминирует мифологическое начало, а не историческое.

Для дореволюционной «исторической школы» былиноведения характерным было мнение, согласно которому под купанием Добрыни в Пучае и его борьбой со Змеем следует понимать иносказательное изображение крещения Руси в Почайне⁵⁰. В этом и видели историческое начало в образе былинной Пучай-реки. Однако дальнейшие исследования показали, что «язык эпоса почти полностью лишен метафоричности»⁵¹. Соответственно, историческая причина проникновения Почайны в русский эпос заключается не в том, что в ней произошло крещение.

В сюжете «Добрыня и Змей» от реки Пучай исходит опасность, купание в ней грозит герою гибелью. *Связь* этой реки *со смертью* может проявляться и в других сюжетных ситуациях. В старине «Дюк Степанович и Чурила Плёнкович» одним из состязаний героев могут становиться прыжки через Пучай (в 15 текстах). В них всегда выигрывает галицкий богатырь Дюк, Чурилу же ожидает позор или даже смерть. Примечательно мнение И.Я. Фроянова и Ю.И. Юдина. Согласно их исследованиям, в основе обеих былин о Пучае лежат сходные реалии — обряд инициации. В сюжете «Добрыня и Змей» они видят отражение ритуального поглощения Змеем в воде⁵², а в былине «Дюк и Чурила» — обрядовых прыжков⁵³. Иными словами, в двух разных сюжетах Пучай выполняет одну и ту же роль — *места испытания героя смертью*. Заметим также, что в сюжете «Дюк и Чурила» состязание героев происходит в Киеве, то есть Пучай в нем воспринимается как *киевская река*.

Связь Пучая со смертью можно увидеть и в жалобе Добрыни Никитича матери на свою судьбу из сюжетов «Добрыня и Алеша» (Марк., № 62) и «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» (Аст., № 134). Герой говорит, что предпочел

⁴⁸ Путилов Б.Н. Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве // Русский фольклор. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 39.

⁴⁹ Смолицкий В.Г. Былина о Добрыне и Змее // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 188.

⁵⁰ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.] С. 145.

⁵¹ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 520–521.

⁵² Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Об исторических основах русского былевого эпоса // Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб., 1997. С. 21–27.

⁵³ Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Исторические реалии в былине о Дюке // Там же. С. 199–200.

бы смерть в младенчестве своей богатырской участи, и **местом** своей возможной **смерти** называет Пучай:

Лучше ты меня несчастного на бел свет не спорóдила!
Лёжал бы я, Добрынюшка, да серым камешком
У той ле у реке да всё *Пучай-реке*,
Век по веки лежал бы этот камешок,
Некто его не шевелил бы никогда да не треложил бы
(Марк., № 62, ст. 184–188).

Для пудожских записей былины «Добрыня и Алеша», как уже отмечалось, характерна точная локализация **ложной смерти** Добрыни. Алеша обманывает родных Добрыни, сообщая им весть о гибели богатыря около Пучай-реки (Былины Пудог, № 80, 85, 87, 90, 128, 143):

Видел во чистом поле Добрынюшку убитого:
Головкой он лежит во ракитов куст,
Ножками лежит *Опачей-реку*
(Былины Пудог, № 80, ст. 115–117).

Как уже говорилось в разделе о Дунае, наименование реки может меняться (хотя наиболее частотны Дунай и Пучай), ракитов куст же присутствует почти всегда. Символика печали и гибели, характерная для ракиты, влияет и на образ Пучая в данном контексте.

В отдельных текстах *былин об Иване Годиновиче* возле Пучая, как и возле реки Смородины в других вариантах, происходит ссора героя с предавшей его невестой, в результате которой он убивает ее (Былины Печоры, № 182; Былины Мезени, № 159):

Отрезал он у ей губы наперво,
Он бросил их *во Подчай-реку*:
<...>
Отсек он ей белы руки по локоть,
Он бросил их *во Подчай-реку*:
<...>
Отсек он ей ноги по коленочки,
Он бросил их *во Подчай-реку*
(Былины Печоры, № 182,
ст. 198–199, 201–202, 205–206).

Отметим, что это происшествие имеет место на пути героев в Киев.

Связь Пучая с **«иным» миром**, отразившаяся в былине «Добрыня и Змей», проявляется и в других старинах. В запеве о турах печорских вариантов былины «Василий Игнатьевич и Батыга» Богородица, зная о нависшей над Киевом угрозе, заходит в Пучай и читает там Евангелие:

Выносила она книгу, да лис Еванъелье,
Забродила она да во *Пучёв-реку*,
Забродила она да по колен в воды,
Да ищэ того поглубже — дак до горлышка
(Былины Печоры, № 196, ст. 43–46;
там же см. также №№ 197, 201, 204, 207, 208).

В отдельных текстах былин о *Михайле Потыке* встреча героя с «иномирной» невестой Марьей Лебедью Белой происходит возле Пучая (Марк., № 8; Рыбн., № 11; Гильф., № 82):

Да й ходил Михайла Потык сын Иванович,
Да й ходил ко тою славною ко матушки *Пучай реки*,
Да й стрелял Михайла гусей лебедей,
Да й стрелял-то перелетных серых утушек.
Да й по той ли-то по матушки *Пучай реки*
То пловет колода белодубая,
Да й на тою на колоды белодубовой
Сидит беленька на ней лебедушка
(Гильф., № 82, ст. 10–17).

Пучай может выступать и как **пограничная река Русского государства**, что уже было отмечено в некоторых текстах сюжета «Добрыня и Змей». Вражеская сила подступает к Пучаю в отдельных вариантах былин «*Василий Игнатьевич и Батыга*» (Былины Печоры, № 204), «*Калика-богатырь*» (Былины Пудог, № 263; Гильф., № 101), в былине о борьбе Добрыни Никитича с татарами (Гильф., № 313):

Опустилася калика на тьи поля,
На тьи поля на широкия,
На тьи лужка на зеленыеи,
Ай о матушку ль о *Почай-реку*.
Тут стоит ли силушка несметная,
А несметна сила непомерная
(Былины Пудог, № 263, ст. 11–16).

Отголосок представления о Пучае как о **границе города Киева** можно услышать в одном из вариантов былины «*Иван Гостинный сын*» (Рыбн., № 97). В нем чудесный конь Ивана Гостиного сына убегает от князя Владимира в поле:

А сивогривый, кологривый
И маленький полонен воронке
Голову залячил и хвост заломил,
Через *Пущай-реку* скочил и в чисто поле ушел
(Рыбн., № 97, ст. 130–133).

Намек на **географическое соседство** Почайны и Днепра можно увидеть в одном из вариантов былины «Сухман» (Марк., № 11). Отправившись по поручению «стольно-киевского» князя Владимира за лебедушками, богатырь не находит их на Пучае и едет к Днепру:

Он не мог найти лебёдушки да не одной негде,
Не найти их-то да он не на заводах,
Не на матушки не он *на Почай-реки*.

<...>

Приезжает, свет, он *ко Непре-реки*
(Марк., № 11, ст. 42–44, 49).

Как абсолютно **«своя» река** Пучай выступает в поздних по происхождению былинах «Илья Муромец и Бадан» (Марк., № 3) и «Илья Муромец и Батый-царь» (Былины Печоры, прилож. VII-6). В них Илья Муромец по берегам Пучая ищет русских богатырей, чтобы отразить наступление врага:

Илья Муромец поехал *ко Почай-реки*;
Он ведь стал-то тут двенадцать-то богатырей розыскивать,
Он искать-то ведь их по зелёным садам

(Марк., № 3, ст. 167–169).

В процитированном примере семантику «своей» реки усиливает образ зеленых садов.

В период разрушения былинной традиции Пучай в единичных вариантах включается в не характерные для нее сюжеты, **заменяя собой другие эпические реки**. Так, вместо Смородины она может становиться рекой, на которой обитает Соловей-разбойник («Исцеление Ильи Муромца», Былины Пудог, № 167). В сюжете «Наезд литовцев» Пучай выступает в качестве пограничной реки, при помощи которой князь Роман выбирает себе дружину (обычно эта река именуется Березиной) (Былины Пудог, № 554, 555). В обоих примерах Пучай сохраняет семантику «чужой» реки.

Сложнее ситуация со старинами о *Чуриле Пленковиче*. В них Пучай выступает как **река, расположенная за пределами Киева** (Былины Пудог, № 385; Рыбн., № 179; Гильф., № 223):

Да двор у Чурила ведь не в Киеве стоит,
Да двор у Чурилы не за Киевом стоит.
Двор у Чурила — *на Почай на реки*,
У чудна креста-де Мендалидова,
У святых мощей а у Борисовых
(Гильф., № 223, ст. 113–117).

Леванидов (Мендалидов) крест — типический локус былин, «название чудодейственного креста, также местное название в устном народном творчестве»,

происходящее, по мнению М. Фасмера, от греческого словосочетания «из ливанского дерева»⁵⁴. Что касается соседства Почая в данном контексте с «мощами Борисовым», то, согласно исследованию Н.Д. Квашнина-Самарина, оно может рассматриваться как соответствующее истории. Почайна брала начало между Киевом и Вышгородом, пригородом Киева, а мощи святых Бориса и Глеба хранились именно в Вышгороде⁵⁵.

Между тем, в большинстве текстов Чурила живет **на реке Сороге / Черере**, отец его называется Сарожанином, а князь Владимир ничего не знает о Чуриле (что кажется нелогичным, если Пучай — это былинная Почайна). Даже если в тексте сообщается, что Чурила живет на Пучае, гидроним *Сорога* там все равно сохраняется в жалобе мужиков князю Владимиру:

Да сегодня у нас на Сарóге на реки
Да неведомый люди появилисе,
Да наехала дружина-та Чурилова
(Гильф, № 223, ст. 18–20).

Из всего сказанного следует, что Сорога, а не Пучай — исконный для этого сюжета гидроним. Эта идея была высказана еще В.Ф. Миллером⁵⁶. Появление же в данном сюжете Пучая можно объяснить разрушением эпической традиции и забвением редкого сюжета «Чурила и князь».

Пучай проникает и в вариант быliny «*Алеша убивает татарина*» (Марк., № 64). В нем перед рассказом о спасении Алешей Поповичем сестры говорится о том, как по поручению князя Владимира богатырь ездил на Пучай-реку за ключевой водой. Никакого влияния на дальнейший ход событий эта вставка не оказывает. Однако в ней прослеживается связь Пучая с Киевом.

Результаты анализа семантики былинного Пучая представлены схематически (схема 4).

Днепр (возможно, от балканско-скифск. *Dānu-арага- «задняя река»⁵⁷) — третья по длине река в Европе (после Волги и Дуная). Она протекает по территории современных России, Белоруссии и Украины. Исток находится на территории современной Смоленской области, устьем река впадает в Днепровский лиман Черного моря. Для истории Древнерусского государства, в котором формируется былинная традиция, это река очень значима: на ней стоит стольный Киев, она является частью важного торгового пути «из варяг в греки»⁵⁸.

⁵⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 472.

⁵⁵ Квашнин-Самарин Н.Д. Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. 1871. Кн. 4. С. 82–83.

⁵⁶ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.] С. 196–197.

⁵⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 518.

⁵⁸ Эдельштейн К.К. Днепр // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 141–142.

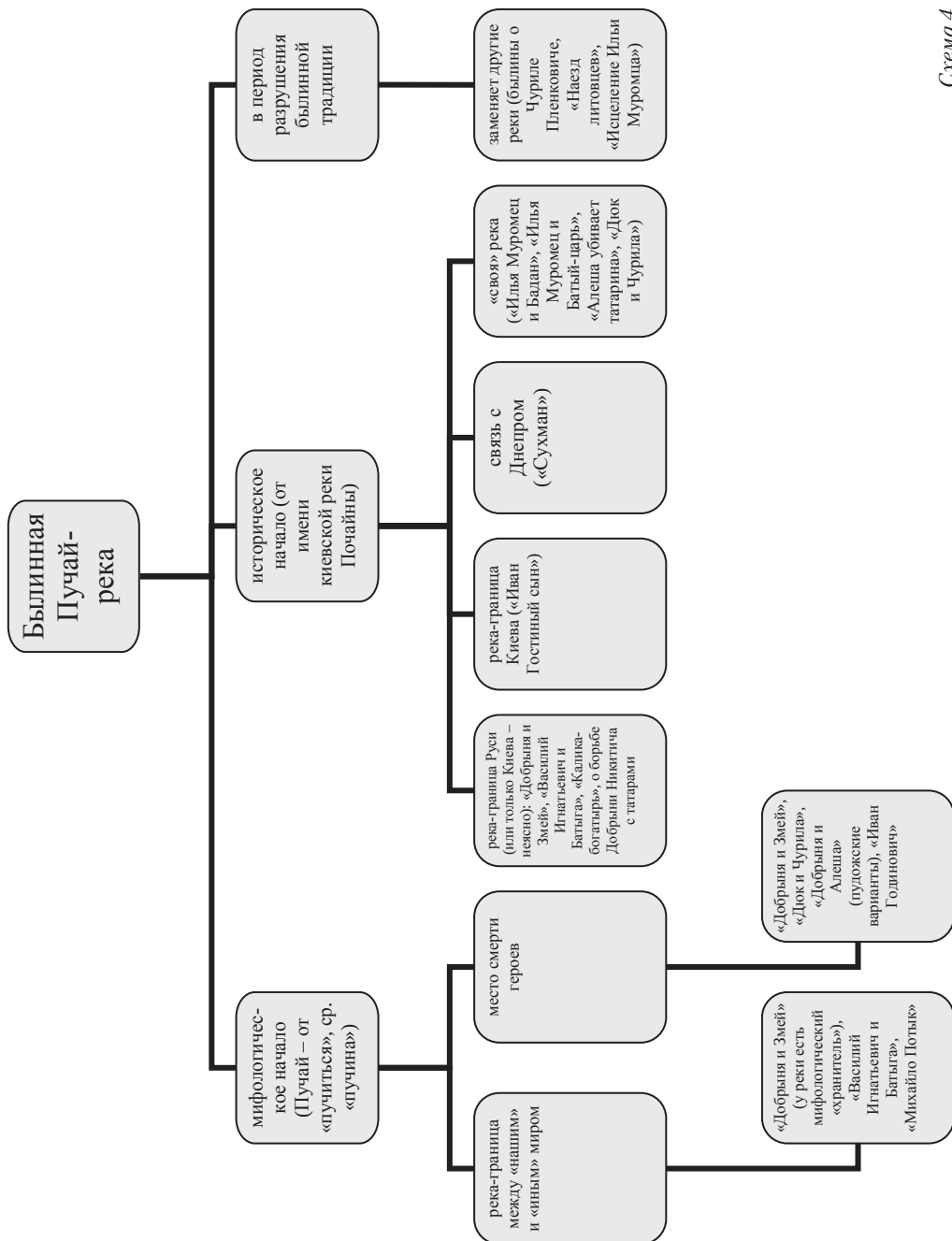

Схема 4

В рассматриваемых былинных собраниях река Днепр обнаруживается в 61 тексте 17 сюжетов. Это старины «*Сухман*» (в 18 текстах от 13 исполнителей), «*Дюк Степанович и Чурила Плёнкович*» (в 14 текстах от 12 исполнителей), «*Соловей Будимирович*» (в 7 текстах от 6 исполнителей), «*Добрыня и Алеша*» (в 3 текстах), «*Илья Муромец и Калин-царь*» (в 2 текстах), «*Непра и Дон*» (в 2 текстах), «*Исцеление Ильи Муромца*» (в 2 текстах), «*Илья Муромец и Сокольник*» (в 2 текстах от 1 исполнителя), «*Идолище сватает племянницу князя Владимира*» (в 1 тексте), «*Добрыня Никитич и Змей*» (в 1 тексте), «*Иван Годинович*» (в 1 тексте), «*Иван Гостиный сын*» (в 1 тексте), «*Василий Буслаевич и новгородцы*» (в 1 тексте), а также в *сводных былинах об Илье Муромце* (в 2 текстах). О традиционности Днепра для былинной географии свидетельствует и наличие этого гидронима в отрывке из неустановленного сюжета (К. Д., № 58), прозаическом припоминании былины (Былины Пинеги, № 182а) и новообразованиях на былинные темы («*Отъезд Добрыни*» (Гильф., № 234), «*Илья Муромец и Батый-царь*» (Былины Печоры, Прилож. VII-6)).

Днепр как былинная река известен во всех основных севернорусских регионах бытования русского героического эпоса. Он присутствует и в текстах Сборника Кириши Данилова.

Исполнители былин называли эту реку (*Днеп(р)*, *Онепъ* / *Унепъ* и особенно часто в форме женского рода — *Днепра* или *Непра-река*. Относительно причин появления этой последней формы в науке возникла полемика. С. Рожнецкий объяснял ее возникновение влиянием древнескандинавского языка. Он считал, что вместе с рядом других формул («*Киев-град*», «*город Окиянов*» и др.) она свидетельствует о скандинавском влиянии на русский эпос⁵⁹. По мнению же Б. М. Соколова, появление этой формы объясняется внутренними причинами. Исследователь указывал на аналогии из северно-великорусских говоров и на возможное влияние имени реки Непрядвы, ставшей хорошо известной после Куликовской битвы⁶⁰. Современные исследователи (например, Р. А. Агеева) обращают внимание на сходство былинных топонимов с финно-угорским словообразовательным типом (постпозиция географического термина), но предполагают, что оно могло быть вызвано «*требованиями ритмики былин*»⁶¹.

На наш взгляд, объяснение возникновения формы «*Непра-река*» может быть найдено и с точки зрения мифологии. В большинстве случаев реки воспринимаются именно как существа женского рода, потому и исполнители былин реку часто называли «*матушкой*» (Днепр назван так в 20 рассмотренных былинных текстах). Кроме того, появление формы «*Непра-река*» может быть обусловлено и особенностями произношения: труднопроизносимое «*Днепр-река*» с большим

⁵⁹ Рожнецкий С. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // Известия ОРЯС имп. АН. СПб., 1911. Т. 16, кн. 1. С. 28–76.

⁶⁰ Соколов Б. М. Непра-река в русском эпосе // Известия ОРЯС имп. АН. СПб., 1912. Т. 17, кн. 3/4. С. 198–214.

⁶¹ Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004. С. 116–117.

количеством согласных на стыке слов заменяется более простой в произношении «*Непррой-рекой*».

Постоянных эпитетов у былинной Непры-реки нет. Некоторые сказители называют ее *славной* (Былины Пудог, № 177, 352; Рыбн., № 8, 16). В отдельных случаях Непра характеризуется как *широкая* (Былины Пудог, № 331, 370), *быстрешенька-широкешенька* (Былины Пудог, № 349).

Несмотря на то, что Днепр протекает в Киеве, а действие большинства русских былин происходит именно в Киеве, Днепр не так часто появляется в текстах былин, как Киев. Это проявление одного из эпических законов, действие которого было описано Б.Н. Путиловым: «Описание эпических локусов, как правило, фрагментарно и ситуативно, оно включает отдельные детали, попадающие в поле повествования»⁶².

Наиболее значимой Днепра-река оказывается для сюжета «*Сухман*» (18 текстов). В нем богатырь Сухман отправляется за «лебедкой некровавленной» для князя Владимира и обнаруживает, что

А на матушки ли на Непр-реки
Не плавает ни гуся там, ни лебедя,
Не плавает ни серого утеныша,
Стоит как там татарин со татарами,
Стоит как ён у матушки Непры-реки
(Былины Пудог, № 488, ст. 39–43).

Из приведенного отрывка видно, что в данном сюжете Днепр оказывается *границей, отделяющей Русь от врагов*. Пограничное положение этой реки прослеживается и в отдельных вариантах былин «*Илья Муромец и Сокольник*» (богатырская застава располагается на Днепре: Былины Пудог, № 235, 238), «*Илья Муромец и Калин-царь*» (Калин-царь не доходит до Киева, он останавливается «у быстра Непра»: Былины Пудог, № 261), в *сводной былине об Илье Муромце* (татары останавливаются у Непры-реки: Былины Пудог, № 287), в новообразовании «*Отъезд Добрыни*» (врагом Добрыни становится «вор собака» «лютой скимер зверь», остановившийся у Днепра: Гильф., № 234).

Перечисленные примеры позволяют нам подвергнуть сомнению точку зрения В.Я. Проппа. Исследователь писал: Днепр — это «родная для богатырей русская река, река, на которой расположен стольный Киев. Выходя на днепровские просторы, Сухман окончательно выходит из того душного мира, который его окружал при дворе Владимира; Днепр и Киев как бы противопоставляются»⁶³. Из приведенных примеров получается, что Киев — «свое» пространство, а Днепра — пограничное, и они, скорее, не противопоставляются, а дополняют друг друга, формируя единый эпический локус.

⁶² Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 28.

⁶³ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 391.

Отличительной особенностью сюжета «Сухман» является активность Непры: она не часть пейзажа, а **действующий персонаж**. Река говорит с богатырем и активно борется с врагами:

Я теку, река, не по-старому,
Я теку, река, не по-прежнему:
Как за мной-то стоят, да за *Днепррой-рекой*,
Сорок тысяч да злых татаровей,
Они мост мостят да с утра до ночи.
Что в день намостят, то в ночь я вымою
(Былины Печоры, № 195, ст. 34–39).

Возникновение данного мотива восходит к глубокой древности. Н. А. Криничная считает подобных мифологических персонажей водной стихии, «телесным» воплощением которых становится сама водная субстанция, одними из древнейших⁶⁴.

К Днепре-реке прикрепляется и мотив ее происхождения от крови погибших героев (*этиологический миф*), аналогичный тому, который мы уже встречали в связи с Дунаем. Сюжет «*Непра и Дон*» является поздним по своему происхождению, известным только на Пудогге (на Купецком озере), однако он наполняется древним мифологическим содержанием⁶⁵. Этиологический миф в этом сюжете еще более прозрачен, чем в былинах о Дунае: герои носят «речные» имена; отсутствуют мотивы, связанные с женитьбой князя Владимира. Тем не менее, собирателями не было обнаружено ни одного текста, в котором бы протекали одновременно обе реки. Дон протекает от крови супругов только в 1 тексте, Непра-река — в 2 вариантах (Былины Пудогги, № 330, 331):

Как от крови их протекла *Непрá-река*,
Непрá-река она очень широкая.
Как тут *Непрý* еще славы поют
(Былины Пудогги, № 331, ст. 80–82).

Мотива рождения двух рек не возникло, вторичная мифологизация не смогла реализоваться до конца. Тем не менее, сам факт привязки этиологического мифа (хотя и вторичного) к Днепру и Дону вместо Дуная заслуживает внимания.

Связь Днепра со смертью «прочитывается» и в некоторых других ситуациях. В одном из пудожских вариантов быliny «*Добрыня и Алеша*» Алеша Попович приносит в Киев «ложную» весть о гибели Добрыни Никитича у Непры: «Он ногами лежит *ко Непрý-реки*, / А головой лежит а под кустичком, / А под кустышком под ракитовым» (Былины Пудогги, № 102, ст. 93–95). Как уже отмечалось ранее, в этой сюжетной ситуации намного чаще упоминаются Дунай

⁶⁴ Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Петрозаводск, 2014. С. 7.

⁶⁵ Былины Пудогги. СПб.; М., 2015. Т. 18 (1). С. 1116–1117.

и Пучай — типичные былинные «чужие» реки. Попадая в данный контекст, Непра также оказывается «*чужой*», расположенной где-то далеко от «своего» мира русских богатырей.

Еще одной былинной ситуацией, в которой упоминается река в связи со смертью и печалью, является сцена жалобы Добрыни Никитича матушке на свою судьбу:

Нет-бы ты меня Добрынюшку, да рódна матушка,
Малéшенького в корзиночку полóжила,
По Днеп-реки по течению спустила-то!

(Марк., № 62, ст. 195–197;

сходно — Рыбн., № 8, ст. 155–159).

Несмотря на наличие в семантике былинного Днепра такой очевидной древней мифологической составляющей, связанной с пограничьем миров, со смертью, с «чужим» пространством, эта река часто воспринимается как «*своя*». Это связано с реально-географическими представлениями о Днепре.

Как «своя» река, протекающая в «родном» Киеве, Днепр, например, выступает в сюжете «*Дюк Степанович и Чурила Пленкович*» (в 14 текстах). Одним из решающих состязаний между этими героями становятся прыжки через Днепр. Чурила предлагает:

Ударим-ка со мною ты в велик заклад,
Чтобы на своих на добрых конях богатырских
Нам разъехаться с раздольица чиста поля
И скочить нам *через матушку славную Непру-реку*

(Рыбн., № 16, ст. 306–309).

Однако в этой былине, как уже говорилось в связи с Пучай-рекой, присутствует и отголосок связи реки со смертью: в некоторых вариантах Дюк убивает проигравшего Чурилу.

Хорошо выражает неразрывную связь Киева с Днепром формула М. Д. Кривополеновой «*Непруський* («*Непрський*») *город*» в значении «Киев» (Былины Пинеги, № 64–65).

Днепр — «своя» река в сюжетах, в которых имеется мотив прибытия «гостей» в Киев морским путем («*Соловей Будимирович*» (Марк., № 65; Былины Пудогы, № 405) и «*Идолище сватает племянницу князя Владимира*» (Былины Мезени, № 27)):

А да плыло-выплывало да триццать караблей:

Ох они плыли-заплывали да *во Унеп-реку*,

Во тот же город да славно Киёв-град.

Становились они да <на> пристань карабельную

(Былины Мезени, № 27, ст. 1–4);

И заехали они в Днепру-реку,
И заплатили они сбор три тысячи
(Былины Пудogi, № 413, ст. 44–45).

В этих примерах присутствует «общеречное» значение пути и границы.

Как «свой», Днепр попадает и в знаменитый запев-панораму Русской земли, хорошо известный по Сборнику Кириши Данилова (К. Д., № 1, 58). На Русском Севере он был обнаружен в пудожской записи старины «Соловей Будимирович»:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океан-море,
И широки обмутьи днепровския
(Былины Пудogi, № 413, ст. 1–3).

Наконец, еще одна функция Днепра — на позднейших этапах бытования русских былин вследствие разрушения традиции Днепр может *замещать другие былинные реки*. Так, в одном из мезенских вариантов быliny «Добрыня и Змей» Непра-река заменяет традиционный для этого сюжета Пучай (Былины Мезени, № 18) и потому становится «чужой». В золотицкой записи *старины о Василии Буслаевиче* герой борется с новгородцами на мосту через Непру-реку (Марк., № 52). В двух пудожских былинах *об исцелении Ильи Муромца* река, обычно безымянная, на которой работают родители героя и которую он закидывает «дубьями», именуется Непрой (Былины Пудogi, № 168, 177). Семантика Днепра в былинах представлена в виде схемы 5.

Былинам известно, что Днепр впадает в **Черное море**. Это море, как и сам Днепр, издавна присутствует в картине мира восточных славян. Русские былины знают его под двумя названиями: *Черное море* (в 13 текстах от 12 сказителей) и *Турецкое море* (в 7 текстах от 5 сказителей). Название «Черное море», согласно исследованию М. Д. Бухарина, появилось в русской географической традиции в первой половине XV в., заменив бытовавшие до этого гидронимы «Понтийское море», «Русское море» и «Чермное море»⁶⁶. «Турецким» оно также могло стать не ранее середины XV в. (не ранее захвата турками-османами Константинополя). Таким образом, в дошедшей до нас былинной традиции отразились довольно поздние наименования Черного моря, возникшие не ранее XV в.

О впадении Днепра в Черное море говорится в запеве быliny «Соловей Будимирович». В большинстве текстов в запеве фигурирует Волга, лишь в 3 вариантах упоминается Днепр. Это тексты, принадлежащие обонежско-каропольской традиции: каргопольский вариант (Рыбн., № 205), водлозерский (Былины Пудogi, № 405) и толвуйский (Гильф., № 36):

⁶⁶ Бухарин М. Д. Возникновение понятия «Черное море» в средневековых географических традициях // Monumentum Gregorianum: Сб. ст. памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 464–485.

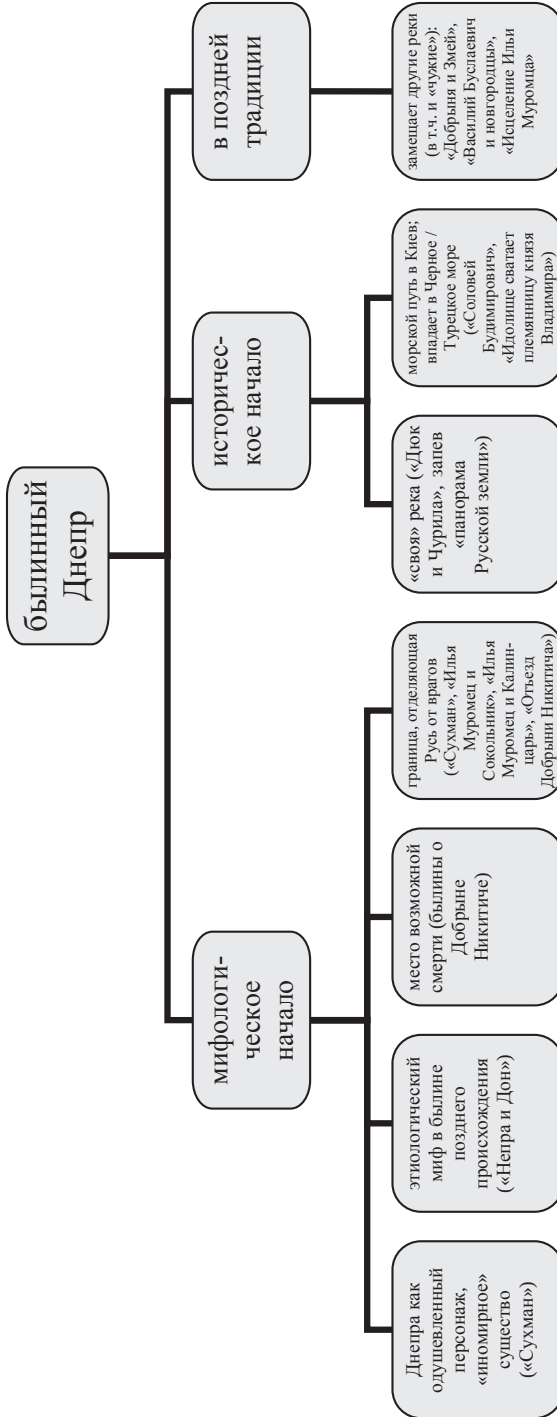

Схема 5

Из-под дуба, дуба было сырого,
Из-под вяза, вяза с под черленаго,
Из-под кустышка да с под ракитова,
С под ты березы с под кудрявые,
Из-под камешка было из-под белаго
Пала, выпадала *мать Непра́ река*,
Выпадала она в море, море Чёрное;
С по́ морю, по мо́рю, морю Чёрному
Выходила она да во Турецкоё.
По Турецкому морю морю Черному
Выплывало оттуда тридцать ко́раблей
(Гильф., № 36, ст. 1–11).

Запев давно привлекает внимание ученых своей поэтичностью. Для нашего же исследования наиболее важной представляется точка зрения Т. Г. Ивановой, согласно которой изначально в былинах была не Волга (как на примере данного запева мы это видим сейчас в большинстве вариантов), а Дунай или Днепр, которые и являются исконными гидронимами русского эпоса⁶⁷. Если предположить, что в запеве изначально должен был быть Днепр, то потеряют смысл все «обвинения» его в оторванности от основного действия и нелогичности (Волга не впадает в Черное море, а Днепр впадает), которые высказывал, в частности, В. Ф. Миллер⁶⁸. Волга же могла занять место Днепра не ранее второй половины XVI в.

Рассмотренный запев является примером наиболее историчного упоминания Черного моря в былинах. Только в нем говорится о связи моря и Днепра, моря и Киева. В отличие от Днепра, который, как уже говорилось, зафиксирован в запеве былин о Соловье Будимировиче трижды, Черное / Турецкое море в нем встречается более часто (в 10 текстах). Он присутствует в вариантах, повествующих о течении реки Волги (в 5 текстах) или даже реки «Казани» (в 2 текстах — от сенногубских сказителей Суриковых):

Матушка Казань подошла под Острохань:
Устьем выпала *во Черно́ море*,
В тое ли *во морюшко во Черное*
(Гильф., № 138, ст. 6–8).

По наблюдению Ф. М. Селиванова, стабильность былинных топонимов находится в зависимости от их места в композиции произведения. Устойчивость топонимов основного места действия выше, чем топонимов запева; в запеве же море чаще сохраняет свое название (Черное море), чем река (Днепр)⁶⁹.

⁶⁷ Иванова Т. Г. Поздние топонимы в эпическом пространстве былин Северо-Востока Русского Севера // Русский фольклор. СПб., 2016. Т. 35. С. 58.

⁶⁸ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.] С. 33.

⁶⁹ Селиванов Ф. М. Эволюция пространственно-временных характеристик эпического повествования (Былина о Соловье Будимировиче) // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 178.

Остальные случаи употребления гидронима «Черное море» в былинах мотивированы иными причинами, не связанными с реальными историей и географией. В текстах, записанных от кижского былинщика Н.Ф. Дутикова, выстраивается условно-поэтический маршрут, основанный *на созвучии наименований и противопоставлении их цветовых обозначений*:

Тут-то Садко поезд держал
Из Черна моря во Бело море,
Из Бела моря во Свирайское,
Из Свирайского моря во Китайское,
Из Китайского моря в Окиян-море
(Рыбн., № 67, ст. 52–56).

Созвучие слов можно услышать еще в двух текстах:

Из-за моря-то было, моря синёго,
Из-за синёго моря, из-за Чёрного,
Приходили-то чернёны бóльши кáрабли
(Марк., № 3, ст. 1–3);

Этая Маринка Игнатъевна
Обвернула-то Добрынюшку гнедым туром,
Послала-то ко морю ко Турецкому
(Гильф., № 267, ст. 75–77).

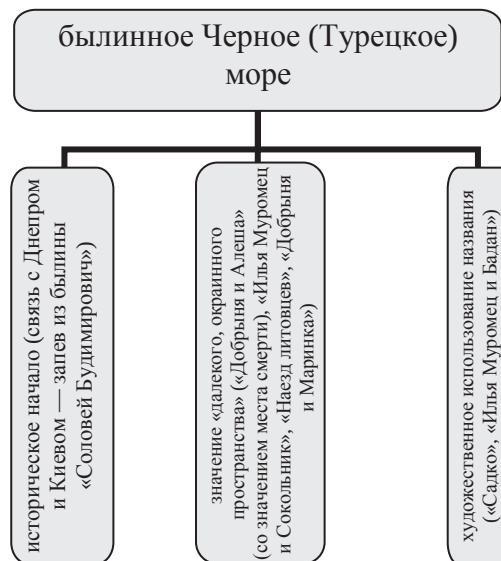

Схема 6

Во втором тексте Черное (Турецкое) море имеет значение **«далекое, окраинное пространство»**. Именно такое значение этого гидронима актуализируется в текстах сюжетов «Добрыня и Алеша» (в жалобе Добрыни Никитича матушке на свою судьбу: Былины Пудогги, № 164; Гильф., № 149, 228), «Илья Муромец и Сокольник» («от моря от Черного от девки Алатырки» приезжает Сокольник: Былины Мезени, № 296), «Наезд литовцев» (князь Дмитрий находился у моря, когда на город напали литовцы: Былины Печоры, № 262).

Семантическое поле былинного Черного моря можно условно изобразить следующим образом (схема 6).

III. Былинные гидронимы Новгорода Великого

Великий Новгород занимал особое место в Древнерусском государстве. В песенном эпосе сложился отдельный, новгородский, цикл былин, не пересекающийся с киевским циклом. Отличительная особенность семантики новгородских былинных гидронимов по сравнению с киевскими, как будет показано ниже, — преобладание в них исторического начала.

Более архаичным, сохранившим в себе древнейшие мифологические черты, является былинный образ озера **Ильмень** (от фин. *Ihma-järvi*), расположенного в 6 км от Великого Новгорода. В это озеро впадает около 50 рек, вытекает из него один Волхов. В IX–XII вв. через Ильмень проходил путь «из варяг в греки»⁷⁰.

Ильмень упоминается в текстах старин *«Садко»*, записанных на *Пудогге* (в 4 текстах от 3 исполнителей), а также в содержащихся в *Сборнике Кириши Данилова* былинах *«Садко — богатой гость»* и *«Василий Буслаев молиться ездил»*. Во всех рассмотренных текстах Ильмень связан с Новгородом и, в отличие от Волхова, в киевские былины не попадает.

В былинах *«Садко»* в семантике Ильмень-озера преобладает мифологическое начало. В пудожских записях Ильмень становится **местом встречи** новгородского гусяра Садко **с мифологическим «хранителем» озера** — морским царем (Былины Пудогги, № 525, 526, 531, 532). Этот «хранитель», в благодарность за игру на гусях, учит Садко, как выиграть спор с новгородцами и разбогатеть. Некоторые сказители (А. П. Сорокин) отличали повелителя Ильмень-озера из первой части быliny от морского царя из второй части (Садко в подводном царстве).

В старине из Сборника Кириши Данилова содержится другой архаичный мотив, связанный с Ильменем. Садко привозит этому озеру привет от его сестры, реки Волги, и сам Ильмень благодарит героя. В этом тексте Садко именует Ильмень «батюшкой»:

Батюшко мой, Ильмень-озеро!
Поучи мене жить во Нове граде!
(К. Д., № 28, ст. 97–98).

Как и Непра из сюжета *«Сухман»*, Ильмень и Волга в этом тексте, хотя и не получают человеческого облика, действуют как активные персонажи. Сама идея *родственных связей между водными объектами, их «одушевление»* — это древние мифологические мотивы. Упоминание же Волги, ставшей русской рекой не ранее XVI в., свидетельствует о позднем оформлении этой сюжетной ситуации.

В другой быline из Сборника Кириши Данилова в образе Ильменя обнаруживается историческое начало. Свой *путь в Иерусалим* Василий Буслаевич начинает в этом озере:

⁷⁰ Ильмень // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 120.

Под славным великим Новым-городом,
 По славному озеру по Ильмену
 Плавает-поплавает сер селезень,
 Как бы ярой гоголь поныривает,
 А плавает-поплавает червлен карабль
 Как бы молода Василья Буславьевича
 (К. Д., № 19, ст. 1–6).

На Русском Севере такой мотив обнаружен не был.
 Суммированные результаты анализа семантики былинного Ильмень-озера представлены в схеме 7.

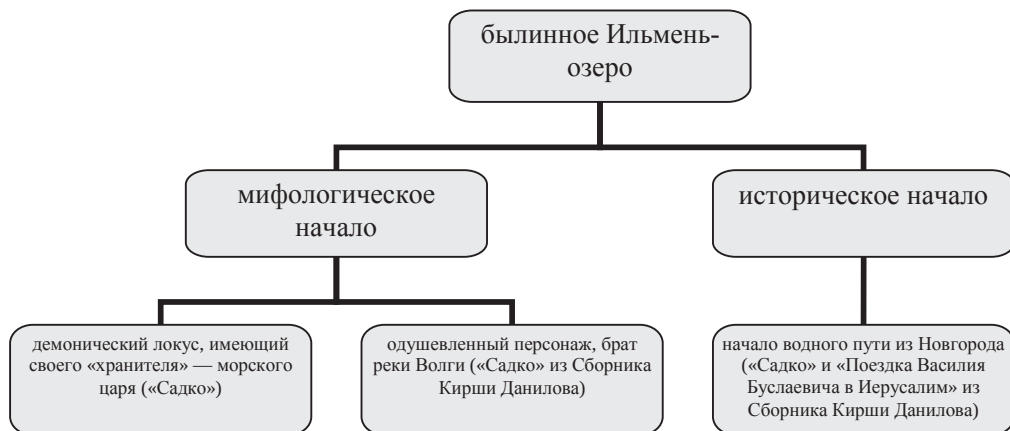

Схема 7

Озеро Ильмень дает начало протекающей в самом Новгороде реке **Волхов** (от фин. *olhava* («ольховая») или слав. *ольха*)⁷¹. Эта река течет по Приильменской низменности и впадает в Ладожское озеро (территория современных Новгородской и Ленинградской областей). Как и Ильмень, Волхов был частью известного средневекового торгового пути «из варяг в греки»⁷².

Наименование *Волхов* встречается в 52 текстах былин 8 сюжетов: «*Василий Буславевич и новгородцы*» (а также в контаминированных с ним вариантах сюжета «*Поездка Василия Буславевича в Иерусалим*») (в 30 текстах от 27 исполнителей), «*Садко*» (в 7 текстах от 6 исполнителей), «*Поездка Василия Буславевича в Иерусалим*» (в 4 текстах), «*Дюк Степанович и Чурила Плёнкович*» (в 4 текстах), «*Вольга и Микула*» (в 2 текстах), «*Дунай Иванович — сват*» (в 2 текстах от 1 исполнителя), «*Илья Муромец и Идолище*» (в 1 тексте), «*Соловей Будимирович*» (в 1 тексте), а также в *сводной былине об Илье Муромце* (в 1 тексте).

⁷¹ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 2010. С. 88.

⁷² Подробнее о Волхове с позиций истории и географии: Волхов // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 676.

Этот гидроним особенно частотен в пудожских былинах (в 25 текстах). Он известен также на Печоре (в 8 текстах), Мезени (в 8 текстах), в Кижях (в 4 текстах), на Пинеге (в 2 текстах), Кенозере (в 1 тексте) и в Каргополье (в 1 тексте). Волхов упоминается и в былинах Сборника Кириши Данилова.

Фонетический облик гидронима в былинах отличается вариативностью. Меняются суффиксы, окончания и грамматический род слова: *Волхов, Волхова, Волховая, Волхая, речка Волхово, реченька Волхо-то, ко Волхи-реки, Волх-река*. Как и большинство рек русских былин, эту реку сказители могут называть «матушкой» (в 6 текстах из 50). Эпитеты Волхову даются редко, но если они имеются, то это определения, характерные для многих былинных рек, — *славная* (Гильф., № 259), *быстрая* (Былины Печоры, № 243).

Самый древний мотив, относящийся к Волхову, обнаруживается в сюжете «Садко». В отдельных вариантах девушка, дочь морского царя, благодаря женьтибе на которой герой возвращается домой из подводного царства, оказывается новгородской рекой Волховом (Былины Пудогы, № 13 (контаминация сюжетов «Вольга и Микула» и «Садко»), № 532; К. Д., № 10):

И ложился он (Садко. — С.Х.) с ней (чернавушкой. — С.Х.)
спать двое во синем море,
А проснулся он один *на реке на Волхове*,
Штоль на том на белом камешке
(Былины Пудогы, № 532, ст. 326–328).

В других вариантах и девушка, и река получают имя Чернава. Исследователи считают, что имя Чернава со временем вытеснило исконное имя Волхова⁷³. Таким образом, в былинах Волхов может получать **персонафицированный облик**. Если сравнивать образ реки Волховы-Черनावы из былин о Садко с образом реки Днепры из былин о Сухмане, то получается, что сюжет «Садко» содержит в себе более развитый (и, соответственно, более поздний) образ персонажа-реки. В отличие от Днепры, не имеющей человеческого облика и умеющей только говорить и действовать (бороться с врагами), река Волхов может обращаться в человека.

В остальных текстах былинный Волхов согласуется с реально-географическим и реально-историческим Волховом. Большое значение эта река имеет для былины «*Василий Буслаевич и новгородцы*» (содержится в 30 текстах). Основные сюжетные ситуации, связанные в ней с Волховом, следующие: 1) бой новгородского бунтаря Василия Буслаевича и его дружины с новгородскими мужиками происходит на мосту через Волхов; 2) служанка Василия приходит к Волхову за водой и видит дружину Василия, которая уже почти разбита; 3) желая усмирить Василия, на Волхов мост приходит его крестный батюшка — «старчище

⁷³ Протт В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 106–107; Новгородские былины. М., 1978. С. 400.

Макарчище» с колоколом на голове; 4) чтобы успокоить сына, на мост отправляется матушка героя.

Таким образом, для данного сюжета важной оказывается не столько сама река, сколько мост через нее:

Он ударилса Вася о велик заклад —
О" свою он да буйну голову —
Заутра идти битьсе-рубитьсе на *Волхов мост*,
На Волхов мост да ко Волхи-рекѣ
(Былины Пинегы, № 76, ст. 69–72).

Согласно народным славянским представлениям, мост — это один из особо значимых локусов, соединяющий «земное и потустороннее пространство, место контактов человека с мифическими существами»⁷⁴. Однако в былине «Василий Буслаевич и новгородцы» подобной семантики мы не видим. В данном контексте образ Волховского моста как места битвы наполнен историческим содержанием. Т. А. Новичкова приводит сведения, согласно которым мост, соединяющий Софийскую и Торговую стороны Великого Новгорода, появился не ранее XII в. и нередко действительно становился местом кулачных боев жителей этих сторон. Кроме того, исследовательница отмечает, что мост через Волхов как место битвы мог войти в историческую память и в связи с Иваном Грозным, приказавшим в 1570 г. сбросить с Волховского моста сотни непокорных новгородцев⁷⁵. Относительно боев новгородцев на мосту А. В. Петров замечает, что это, по сути, — институт соперничества двух частей одного социального организма, восходящий к дуальной организации первобытного общества. В Новгороде это явление так долго сохранялось благодаря топографическим условиям — Волхову, делящему город на две стороны. Однако «топография могла оказать влияние на данное членение (на стороны. — С.Х.), но не могла его создать»⁷⁶.

Таким образом, в сюжете «Василий Буслаевич и новгородцы» мы имеем дело с реалистичным отражением существовавшего в древнем Новгороде обычая битвы противоборствующих сторон на мосту через реку. Былины отразили реально существовавший обычай, уходящий корнями в первобытную древность, — представление о дуальной организации единого социального организма. Мифологическое начало в данном сюжете тесно связано с историческим: мифологическое представление (Волхов как *граница*, которая делит единый Новгород на две противоборствующие части) повлияло на возникновения обычая (битвы на мосту через Волхов), а обычай отразился в сюжете былины.

⁷⁴ Виноградова Л. Н. Мост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 303.

⁷⁵ Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001. С. 30–42.

⁷⁶ Петров А. В. От язычества к Святой Руси: Новгородские убоицы: К изучению древнерусского вечеревого уклада. СПб., 2003. С. 51.

Обратим внимание на сюжетную ситуацию со служанкой, идущей к Волхову. Служанка-«черनावушка» приходит на Волхов «по воду» (в 11 текстах) или «платье мыть» (в 5 текстах). Для былинных рек это исключительная ситуация. По замечанию С. Ю. Неклюдова, обычно в былинах «река враждебна уже сама по себе. Она опасна»⁷⁷. Здесь же враждебность реки не чувствуется, Волхов кажется таким же хорошо освоенным, **«своим» пространством**, как и весь Новгород.

Отметим, что в период разложения былинной традиции самой устойчивой ситуацией, связанной с Волховом, оказывается мотив старца с колоколом на голове, идущего по мосту, который под ним прогибается. Так, в ряде былин (Былины Пудог, № 512, 513, 518, 519, 521; Гильф., № 284) единственным упоминанием Волхова остается примерно следующее:

Ну накладал старчище Перегрюмище
На свою голову колокол дак ровно <сорок> пуд,
Идет ён колькольным языком подпирается,
Да и Волхов-от мост прогибается!
(Былины Пудог, № 518, ст. 51–54).

В перечисленных текстах местом битвы может становиться Куликово поле / болото. В свете этого становится понятнее возникновение формы *«река Волхово»* как промежуточной между рекой и полем (болотом). В некоторых вариантах *Волхово* явно оказывается полем, хотя прямо это может быть и не названо («прибежал на Волхово», «стал по Волхову поскакивать» (Гильф., № 141)). Видимо, сугубо средневековый новгородский обычай битвы на мосту был малопопулярен севернорусским сказителям, и потому мост часто заменяется полем, более типичным местом сражения в былинах.

Вернемся к выразительному образу старца, идущего по мосту, который под ним прогибается. Определенную роль в сохранности этого эпизода могла сыграть и четкая выразительная формула, в которую он может облекаться: «колокольным языком подпирается — Волхов мост прогибается» (Былины Пудог, № 512, 513, 518, 519, 521; Гильф., № 259).

Вообще говоря, с Волховом оказывается связано немало ярких средств художественной выразительности. Так, например, пудожский материал «знает» следующую формулировку окончательной победы Василия над «старчищем Макарчищем»:

Помахнул ён палицей богатырскою —
Вылетали у старцища да оци ясныи
И поплыли по Волхову
Как два голубя, два сизыих
(Былины Пудог, № 511, ст. 109–112).

⁷⁷ Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинах // Славянский фольклор. М., 1972. С. 36.

Такую формулировку используют И. Ф. Митюшин (Былины Пудог, № 511) и И. Ф. Мишкин (Былины Пудог, № 517). Аналогичным образом говорится и о глазах Идолица, побежденного Ильей Муромцем, в варианте былины «*Илья Муромец и Идолище*», записанном от Щербаква (Былины Пудог, № 222).

Волхов проникает и в построенные на синтаксическом параллелизме, напоминающие пословицы, выразительные сравнения некоторых текстов сюжета «Василий Буслаевич и новгородцы». В печорском и пинежском вариантах (Былины Печоры, № 238; Былины Пинеги, № 76) крестный батюшка предупреждает Василия: «Не выпить те воды да *из Волховой-реки*, / Не выбить те людей да из Нова-города!» (Былины Печоры, № 238, ст. 156–157). В мезенском варианте сходные слова произносит матушка героя (Былины Мезени, № 188–189). Похоже увещевает сына и матушка Дюка Степановича в пудожской старине «*Дюк Степанович и Чурила Пленкович*»:

Ведь много *во Волхови* воды течет,
А много во Киеве людей живет,
Пропадет твоя головка вместо камешка
(Былины Пудог, № 360, ст. 16–18).

Именно в составе подобных, выстроенных на синтаксическом параллелизме, сравнений Волхов появляется в начале двух мезенских былин сюжета «*Поездка Василия Буслаевича в Иерусалим*» (Былины Мезени, № 192, 193). Основные события в этом сюжете обычно приурочиваются к Иерусалиму, однако уже первые стихи былины дают почувствовать ее новгородский колорит:

Не на Волхови зеленой нонь сад шатаицье —
Да по морской волны кораблицёк похаживат.
По кораблицьку Васильюшко погуливат.
(Былины Мезени, № 192, ст. 1–3);

Не по Волхову флигарочка шатаицье,
Да не белая березонька изгибаицье,
Да не сырой где дуб да поклоняицье, —
Да [не] сын перед матушкой прощаицье
(Былины Мезени, № 193, ст. 1–4).

Так начинаются только две мезенские былины. Более типичным для данного сюжета является упоминание Волхова *в связи с описанием пути героя из Новгорода в Иерусалим*. В печорском варианте говорится о том, что герой со своей дружиной «*по матушки по Волхове быстре реке*» отправился в Иерусалим (Былины Печоры, № 243). Согласно мезенскому варианту:

Дак поплыл Васильюшко *по Волхову*
Да на тоё на озёро на Ладужско,

Да поплыл Васильюшко по матушке Неве-реке —
Да выплыл Васильюшко на синё морё.
Да поплыл Васильюшко по синю морю,
Подплывает под горы да Сорочинския
(Былины Мезени, № 193, ст. 26–31).

В пудожском варианте описывается похожий путь, однако «сине море» оказывается конкретизировано — сначала говорится о Балтийском море, затем о Каспийском (Былины Пудоги, № 524).

Сходный *путь* преодолевает и *Садко*, другой новгородский былинный герой, в текстах, записанных на Пудогe (Былины Пудоги, № 525, 526, 531, 532):

Поехал Садке *по Волхову*,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожско во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море
(Былины Пудоги, № 525, ст. 173–176).

Исследователями давно замечено, что маршрут «Волхов → Ладожское озеро → Нева → Балтийское море» абсолютно историчен. Так, например, В. Я. Пропп писал: «Путь, по которому плывет Садко, есть исторический путь, по которому шла новгородская торговля. <...> География былины о Садко, в отличие от географии былин киевского цикла, нередко носящей несколько фантастический характер, конкретна и верна»⁷⁸. Таким образом, опять в былинном Волхове на мифологическую основу (река как путь) накладывается историческое содержание (реальный водный средневековый маршрут новгородцев).

Заметим, что в печорский вариант киевского сюжета «*Дюк и Чурила*», для которого Волхов не свойственен, этот гидроним попадает также со значением *пути*. Матушка объясняет герою, как добраться до Киева, и упоминает Свиру-реку, относящуюся к бассейну Волхова⁷⁹. Таким образом, и в описании этого участка пути сохранена историческая достоверность:

Ехать надо *по Волхову*,
С Волхова надо ехать *на Свиру-реку*,
По Свиры-реки есть шатер быстёр
(Былины Печоры, № 143, ст. 13–15).

В поздний этап бытования русского эпоса Волхов проникает в киевские старины, видимо, из-за своей «славы» *места битвы*, хорошо известной по новгородским сюжетам. В пинежской былине «*Дюк и Чурила*» говорится, что Дюк

⁷⁸ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 99.

⁷⁹ Свиря // Поиск по данным Государственного водного реестра [Электронный ресурс]. URL: <http://textual.ru/gvr/index.php?card=152181> (дата обращения: 20.05.2017).

в своем родном Галиче «дралсе-боролсе на реке на Волховой» с жителями города (Былины Пинегы, № 175, ст. 7). В пудожской старине «Вольга и Микула» герои сражаются с «гуршевцами-ореховцами» на мосту через Волхов (Былины Пудоги, № 9). Относительно последней В. Ф. Миллер замечал, что упоминание в ней Волхова может свидетельствовать о новгородском происхождении сюжета «Вольга и Микула»⁸⁰.

Вследствие некоторой созвучности с былинным «чужим» городом Ляховом топоним Волхов может переосмысляться и также становиться *нерусским городом* (Былины Мезени, № 123–124). Богатырь Дунай говорит о себе:

Как жил я, проживал во городе во Волхове
Што у того же короля и Волховницкого
(Былины Мезени, № 123, ст. 93–94).

Волхов может замещать и некоторые другие былинные гидронимы. Так, вместо Волги (возможно, также вследствие созвучности) он оказывается в запеве былины «Соловей Будимирович» (Былины Пудоги, № 409). В одном из текстов сюжета «Дюк Степанович и Чурила Плёнкович» он заменяет Днепр или Пучай в качестве места скачек героев (Былины Пудоги, № 348). Оба этих «неправильных» варианта были записаны от одного былинного певца — Г. А. Якушева. Волхов появляется и в прозаическом тексте *сводной былины об Илье Муромце*: он становится рекой, у которой родители богатыря расчищали «пожню» (Былины Пудоги, № 286).

Схематически былинная семантика Волхова может быть представлена следующим образом (схема 8).

IV. Былинные гидронимы Московской Руси: от мифа к истории

Во времена Московского государства, как известно, произошло серьезное расширение государственных границ нашей страны. Такие значимые события, как присоединение Поволжья, освоение Дикого Поля, покорение Сибири, оказали влияние на былинную топонимику. Русскому героическому эпосу стали «известны» Волга, Каспийское море, Дон, Енисей.

Волга (от др.-рус. «волога» — «жидкость, вода» или от фин.-угор. «валга» — «светлая река») — крупнейшая река Европы. Она протекает по европейской территории современной России и впадает в Каспийское море. С древности Волга известна как важный торговый путь. На Нижней Волге в середине VII в. сложился Хазарский каганат. В Среднем Поволжье и Прикамье в IX — начале XIII в. располагалась Волжская Булгария. В верховьях Волги были основаны русские города: Ярославль (1010 г.), Тверь (1135 г.), Углич (1148 г.), Кострома

⁸⁰ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.] С. 174.

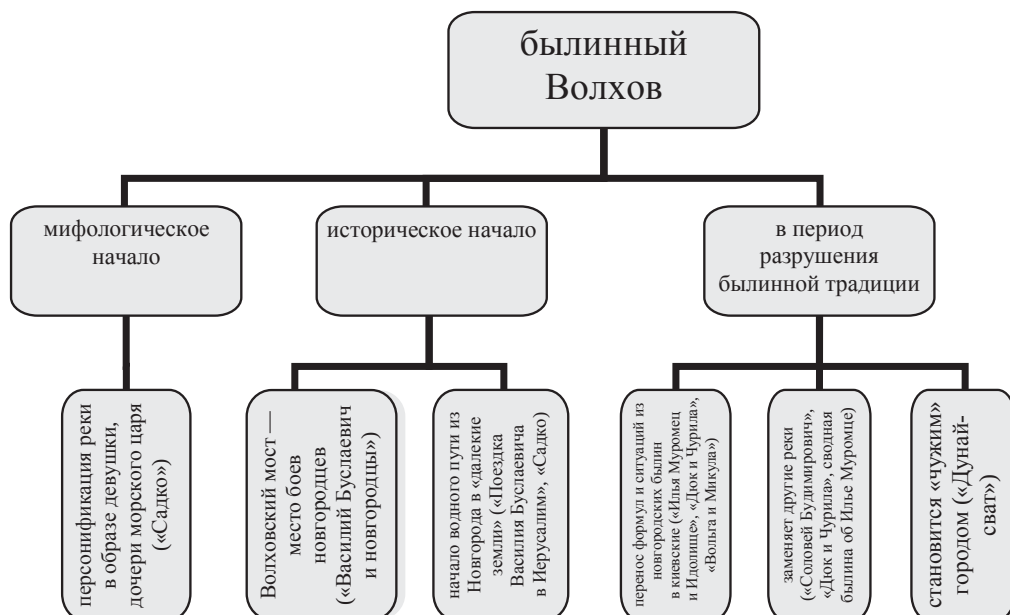

Схема 8

(1152 г.), Городец (1172 г.), Ржев (1216 г.), Нижний Новгород (1221 г.). Весь бассейн Волги в составе Русского государства оказался только в XVI в., после присоединения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств⁸¹. Таким образом, современное представление о Волге как об абсолютно «русской» реке, едва ли не символе России, не является исконным.

Волга хорошо «известна» русскому фольклору. По наблюдению М. В. Стrogанова, она может упоминаться в исторических песнях, преданиях, заговорах, обрядовых, трудовых и лирических песнях, жестоких романсах и частушках, «однако практически не встречается ни в сказке, ни в былине»⁸². Рассмотренный нами материал позволяет оспорить последнее утверждение. В северно-русских былинных собраниях и Сборнике Кирши Данилова она упоминается в 41 тексте 7 сюжетов: «Соловей Будимирович» (в 17 текстах от 11 исполнителей), «Садко» (в 7 текстах от 5 исполнителей), «Добрыня и Алеша» (в 6 текстах от 5 исполнителей), «Василий Игнатьевич и Батыга» (в 6 текстах от 5 исполнителей), «Дюк Степанович и Чурила Плёнкович» (в 1 тексте), «Ставр Годинович» (в 1 тексте), «Данило Борисович» (в 1 тексте), а также в двух былинных припоминаниях.

⁸¹ Подробнее о Волге с точки зрения истории и географии: Зайцева И. С. Волга // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 614–616.

⁸² Стrogанов М. В. Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги: Сб. научных статей. М., 2017. С. 312.

Как былинный гидроним Волга известна на Печоре (в 17 записях), Пудогe (в 16 зап.), Кенозере (в 3 зап.), в Каргополье (в 3 зап.). Присутствует она и в 2 текстах из Сборника Кириши Данилова.

В большинстве текстов (в 35 из 41) Волге приписывается материнское начало: она именуется «Волга-матушка», «мать Волга», «матка Волга-река». Наиболее характерными для формульного поля Волги оказываются эпитеты «широка(я)» (в 7 текстах) и «быстра(я)» (в 6 текстах). Сказители воспринимали ее именно как большую реку: лишь в одном тексте она названа «реченькой» (Былины Пудогы, № 449). Редко встречается определение «славная» (в 2 текстах — в составе сложной формулы «славная матушка быстра Волга-река»).

Чаще всего (в 27 текстах из 41) Волга помещается в запов. Запов «с Волгой» характерен для 4 былинных регионов Русского Севера: Печоры, Пудогы, Кенозера, Каргополья. В разделе, посвященном Днепру, уже говорилось о том, что исконный гидроним для запева о «широкой реке» — это Днепр. Основание для замены гидронимов хорошо выразил Р. М. Волков: «Великий водный волжский путь, с середины XVI века ставший русским водным путем, играл для Московской Руси ту же роль, что и великий водный днепровский путь “из варяг в греки” для Киевской Руси»⁸³. Таким образом, в былинах одна река с семантикой *пути* (Днепр) была заменена другой (Волга).

Запов о «широкой реке», в котором фигурирует Волга, отличается большой реалистичностью. В нем говорится о выдающейся длине этой реки, о городах, которые на ней стоят, о море, в которое она впадает:

Из-за гор-то было высокиих,
Из лесу-то было, лесу темного,
Повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка быстра Волга-река;
Широкая-то Волга под Казань прошла,
Пошире, подальше под Астрахань;
Место шла ровно три тысячи,
Рек и ручеек брала и сметы нет,
Выпала во море во Каспийское
(Рыбн., № 178, ст. 1–9).

Фактически этот запов может рассматриваться как контаминированная с былинной «страновая» географическая песня, «опевающая» крупный регион страны — Поволжье⁸⁴.

⁸³ Волков Р.М. К проблеме варианта в изучении былин // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 102.

⁸⁴ Калущков В.Н., Иванова А.А. Географические песни в культурном ландшафте России. М., 2006. С. 30, 98.

Помимо Казани и Астрахани, среди городов, через которые протекает Волга, может упоминаться «Нижний город» (вероятно, под ним следует понимать Нижний Новгород) (Гильф., № 306, ст. 4). В одном пудожском варианте по созвучности рядом с Казанью оказывается Рязань (Былины Пудог, № 397, ст. 8). Местом впадения Волги иногда называется Черное или «Турецкое» море (Былины Пудог, № 397, 398, 402, 406; Гильф., № 228), в чем можно усмотреть доказательство исконности Днепра для этого запева. Иногда обе реки присутствуют в запеве. Волга протекает через Казань и Астрахань, а Днепр впадает в Черное море:

Широка *мать-Волга* под Казань прошла,
Подале того и под Астрахань.
Да из-под дуба, дуба сырого,
Из-под вязу с-под черного,
Из-под белого горючего с-под камешка
Выбегала *мать Непра-река*
Да устьем впадала в море Черное
(Рыбн., № 205, ст. 7–13).

В печорской былинной традиции в запеве также говорится о двух реках, но это Волга и река Смородина (Былины Печоры, № 165, 166, 168, 169, 196).

Запев о «широкой реке» характерен для былины «*Соловей Будимирович*». В ней переход от запева к зачину обычно логично выстроен: Соловей Будимирович или сам плывет по «широкой реке», или же он плывет по морю, в которое впадает эта река. Иногда этот запев появляется в сюжетах, основное повествование которых никак не связано с «широкой рекой», — «*Добрыня и Алеша*» (Былины Пудог, № 86; Рыбн., № 178, 193; Гильф., № 222, 228, 306), «*Ставр Годинович*» (Былины Пудог, № 449), «*Василий Игнатьевич и Батыга*» (Былины Печоры, № 196). Вероятно, это более поздняя по происхождению новация сказителей.

Волга появляется и в других запевах, для которых она совсем не свойственна. Так, эта река присутствует в некоторых печорских записях былин «*Василий Игнатьевич и Батыга*» в запеве о турах (Былины Печоры, № 201, 205, 206, 209, 211):

Ай по *матушки по Волге, по Невы-реки*
Кабы плыли-выплывали два гнеда тура,
Ак как навстречу туриця златорогая
(Былины Печоры, № 201, ст. 1–3).

Здесь вместе названы два гидронима — Волга и Нева. Авторы комментариев к собранию былин Печоры объясняют это тем, что «вероятно, один из них воспринимался певцом как имя нарицательное, а не собственное»⁸⁵.

⁸⁵ Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 2. С. 475.

Волга может проникать и в отрывок из шуточного географического спева, обычно завершающего старину «Василий Игнатьевич и Батыга», в котором в сатирическом ключе перечисляются географические объекты Русского Севера (ст. 4–5):

А из-под дуба, дуба сырого,
Из того ли камешка нифонта
А протекала быстра реченька Волга-река.
А сарафаны были в Каргополе,
А толсты слановицы по Волги по реки
(Былины Пудог, № 449, ст. 1–5).

В.Н. Калущков и А.А. Иванова замечают: «Соединяясь с традиционной былинной формулой, описывающей путь Волги / Непры от сырого дуба до синего моря Турецкого, севернорусский географический спев (Бело-озеро → подсиверная сторона → река Моша → Каргополь) сохраняет свою обособленность»⁸⁶. В рассмотренном же примере произошла их диффузия: Волга заменила собой традиционную для этого спева севернорусскую реку Мошу, приток Онеги.

Вторым по частотности (после запева) является упоминание Волги в *былинах о Садко*. В варианте Сборника Кириши Данилова Садко оказывается не гусярем в Новгороде, а удальцом с Волги: «*По славной матушке Волге-реке / А гулял Садко молодец тут двенадцать лет*» (К.Д., № 28, ст. 1–2). Волга в данном тексте, как и Днепра в былинах о Сухмане, становится одушевленным персонажем. Она просит Садко: «Поклонися от меня брату моему, / А славному озеру Ильменю» (К.Д., № 28, ст. 19–20). Как уже подчеркивалось, само «внедрение» Волги в былинную географию произошло на позднем этапе бытования былин (не ранее XVI в.), потому и данный мотив родства водоемов и «одушевленности» Волги является поздним по происхождению. Тем не менее, в основе него лежат древние мифологические представления. Отметим, что в севернорусских былинах такой мотив отсутствует.

В печорских и пудожских былинах замена Волхова Волгой обусловлена, видимо, только созвучием (Былины Печоры, № 251, 253, 256; Былины Пудог, № 527, 529, 530). Действие происходит в Новгороде. Садко бахвалится:

Я в Новом-городе товары все повыкуплю,
Я на черныя на карабли все повыгружу,
Я на Волгу-реку тогда повыплаваю
(Былины Печоры, № 251, ст. 17–19;
аналогично — № 253, 256).

⁸⁶ Калущков В.Н., Иванова А.А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006. С. 103.

А тут купци ли то новгородский
А как товару на перьвой день да поставили
А по сторону другу да *матушки да Волги-реки*
(Былины Пудогы, № 527; то же — в № 529, 530).

В Сборнике Кирши Данилова Волга встречается и в тексте былины о *Дюке Степановиче* (на Русском Севере не обнаружено). В нем о Волге говорится в связи с камским орлом, дорогими перьями которого оперены стрелы у богача Дюка:

Перены оне (стрелы Дюка — С.Х.) перьяцами сизá орла,
А сиза орла, орла орловича,
А тово орла, птицы камския, —
Не тыя-та Камы, коя в *Волгу* пала,
А тоя-ты Камы за синем морем
(К. Д., № 3, ст. 45–49).

Таким образом, эта былина демонстрирует осведомленность сказителей о связи Волги и ее самого крупного притока Камы.

На Печоре Волга появляется в былинне «*Данило Борисович*» — местном новообразовании. В ней поется о том, как донской разбойник Данило Борисович со своими казаками отправляется в поход в устье Дона. Данная старина известна всего в двух записях, и для нее, как отмечают авторы комментариев к былинам Печоры, «сказители заимствуют мотивы и образы из произведений разных жанров фольклора»⁸⁷. В одном из вариантов в зачине упоминается Волга:

Кабы *Волга-река* да розливалосе,
Кабы тихой-де Дон тогда повыбрызгал,
На Дону-де казаки зволновалисе,
Зволновался-де Данилко-вор Денисьевич
(Былины Печоры, № 266, ст. 1–4).

Изображение сборов Данилы Борисовича и его казаков в поход передается здесь в типичной былинной гиперболизированной манере: они настолько «будоражат» землю, что кажется, что даже вода вытекает из рек (ср. с описанием рождения Волха из былины «Волх Всеславьевич»). Однако присутствует точное определение места действия — это Дон. Былинное «соседство» Волги и Дона соответствует физическому «соседству» этих двух рек.

О прочности вхождения Волги в былинную географию свидетельствуют и записи былин периода распада традиции. Так, в позднем печорском припоминании былины о Добрыне Никитиче информант сообщает собирателю: «А еще пели, что Добрынюшка на возраст вышел и стал купаться в *Волге-реке* или как она тама, уж не помню» (Былины Печоры, Прилож. I-5, ст. 1–2). Волга в данном примере заменяет Пучай.

⁸⁷ Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 2. С. 506.

Кратко семантика былинной Волги может быть передана следующим образом (схема 9).

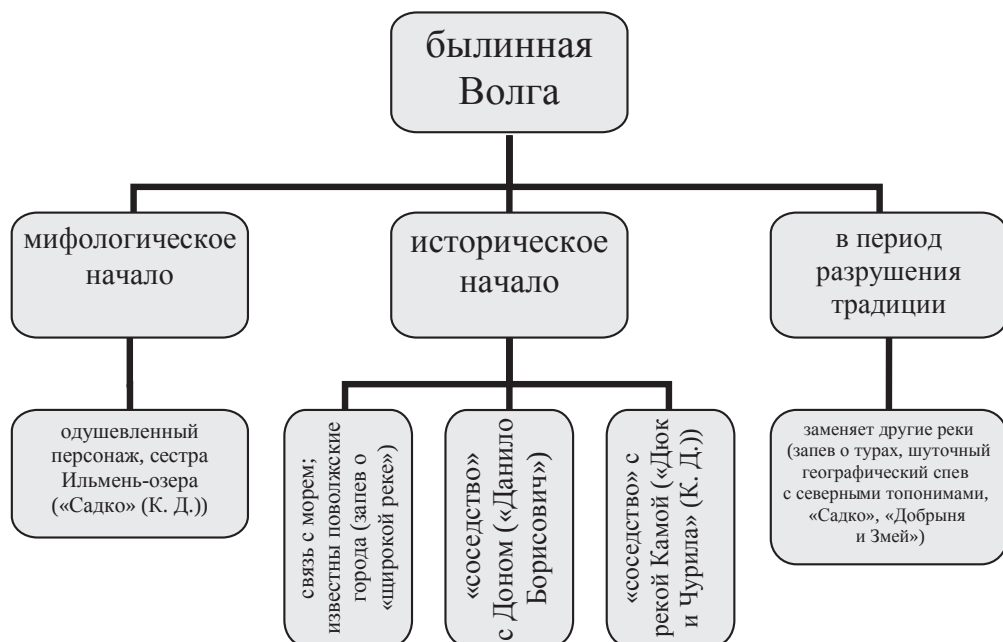

Схема 9

Свое отражение в текстах былин находит и водоем, в который впадает Волга, — **Каспийское море**. Это самый крупный на планете замкнутый водоем, бессточное озеро, которое из-за своего своеобразия было отнесено к классу морей. Его современное название происходит от имени каспиев, населявших приморские области в I тыс. до н. э. В разные времена это море было известно под названиями Гирканское, Персидское, Хазарское, Хвалынское (Хвалиское), Хорезмское, Дербентское⁸⁸.

В былинах упоминаются *Хвалынское море* (в 10 текстах), *Каспийское* (в 6 текстах), *Персидское* (в 1 тексте). В одном из текстов говорится о *Волынском море* (Былины Пудогы, № 399). В. Б. Вилинбахов и Н. Б. Энговатов считали, что под ним следует понимать Балтийское море⁸⁹, однако, как нам представляется, это может быть и искаженная форма гидронима «Хвалынское море».

Лексемы, в былинах обозначающие Каспийское море, известны в ограниченном числе регионов Русского Севера. Так, гидроним «Хвалынское море»

⁸⁸ О Каспийском море см.: Деев М. Г., Хаин В. Е. Каспийское море // Большая российская энциклопедия. М., 2009. Т. 13. С. 275.

⁸⁹ Вилинбахов В. Б., Энговатов Н. Б. Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965. С. 99–108.

характерен для архангельско-беломорской эпической традиции: он известен на Печоре, Кулое, Зимнем берегу Белого моря. Название «Каспийское море» обнаруживается в былинах Пудогы, Кенозера и в одной печорской записи. В текстах Сборника Кириши Данилова присутствуют оба гидронима. Единственный на Русском Севере случай употребления наименования «Персидское море» был зафиксирован на Моше.

Синонимы в исторической действительности, Хвалынское и Каспийское моря в былинной действительности встречаются в разных сюжетах и разных ситуациях. **Хвалынское море** в былинах обозначает *рубеж Русского государства, за которым начинается «чужое», опасное пространство*. В печорском варианте старины «*Илья Муромец и Сокольник*» Илья Муромец, находясь на богатырской заставе, смотрит во все стороны и как дальний рубеж видит «*сини моря Вохлынские, Ледовитый океан*» (Былины Печоры, № 79, ст. 39). В кулойском варианте этой же старины «*от морюшка Хвалынского, от бабы Златыгорки*» прибывает Сокольник (Былины Кулая, № 26).

С Хвалынским морем бывает связан **Дунай Иванович** — русский богатырь, известный своим временным проживанием у западных соседей Руси. В одном тексте Добрыня Никитич видит его черный шатер «*у синя моря Хвалынского*» (Былины Кулая, № 53). В другом варианте Дунай представляется князю Владимиру:

Я бывал-де, живал за синім морём,
За тем-де за морем за Хвалынским,
У того-де Семёна да Леховитого,
Леховитого-де Семена да страховитого
(Былины Печоры, № 121, ст. 52–55).

В одной из записей быliny «*Сорок калик*» калики отправляются в Чернигов к Иордану «*И-за морюшка, моря было синиго, / И-за синего морюшка Хвалынского*» (Былины Кулая, № 76, ст. 1–2). В этом тексте с нетрадиционными топонимами Хвалынское море обозначает далекое пространство, тема опасности здесь выражена слабее.

Как *типичный былинный локус* Хвалынское море упоминается в былинах о **Садко и Соловье Будимировиче**: герои плывут по нему в Новгород («Садко»: Былины Печоры, № 258, 259; Марк., № 21; К. Д., № 47) или Киев («Соловей Будимирович»: Марк., № 65). В былинах о Садко может сообщаться об обычае приносить дань морю хлебом с солью. Садко говорит:

Бегаю по марю двенадцать лет,
Тому царю заморскому
Не платил я дани-пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опускавал
(К. Д., № 47, ст. 47–51).

Во всех рассмотренных примерах явно преобладает мифологическое начало. **Каспийское море**, в отличие от Хвалынского, описывается в былинах более реалистично. Чаще всего оно упоминается в связи с течением Волги в запеве о широкой реке (Былины Печоры, № 169; Былины Пудогы, № 86; Рыбн., № 178; Гильф., № 222). В этом же запеве в одной мошенической былине Каспийское море заменено на Персидское:

Повышла, повышла, повыкатила
Наша славная матушка быстра Волга река,
Много она рек и ручьей побрала,
<...>
А устьев ровно она сёмьдесят дала
Во славное морё во Персидское
(Гильф., № 306, ст. 1–3, 10–12).

С точки зрения истории может быть объяснено проникновение Каспийского моря в сюжет «*Поездка Василия Буслаевича в Иерусалим*». В некоторых вариантах путь героя из Новгорода в Святую землю проходит через это море (К. Д., № 19; Былины Пудогы, № 524):

Тебе надоть ехать через *море Каспийское*,
Ехать будет тут семь недель,
А кругом-то ехать три года.
Только на прямой дороге, *на море Каспийском*,
На тех островах на прекрасных
Стоят там атаманы-разбойники
(Былины Пудогы, № 524, ст. 37–42).

Конечно, из Новгорода через Каспийское море в Иерусалим не попасть, однако, по мнению Т. А. Новичковой, в данном случае произошло наложение представлений о двух важнейших водных путях через Новгород — волжско-балтийском и пути «из варяг в греки»⁹⁰. Мифологическое представление в данном случае тоже присутствует: море рассматривается как **опасное место**.

Как **далекий и пограничный локус** Каспийское море читается в кенозерском варианте былины «*Королевичи из Крякова*». Лука Петрович отправляется на охоту:

Он приехал во далече чисто поле,
Он *ко славному морю Коспицкому*
(Гильф., № 302, ст., 37–38).

Условно семантику Каспийского моря в былинах можно передать в виде схемы 10:

⁹⁰ Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001. С. 54.

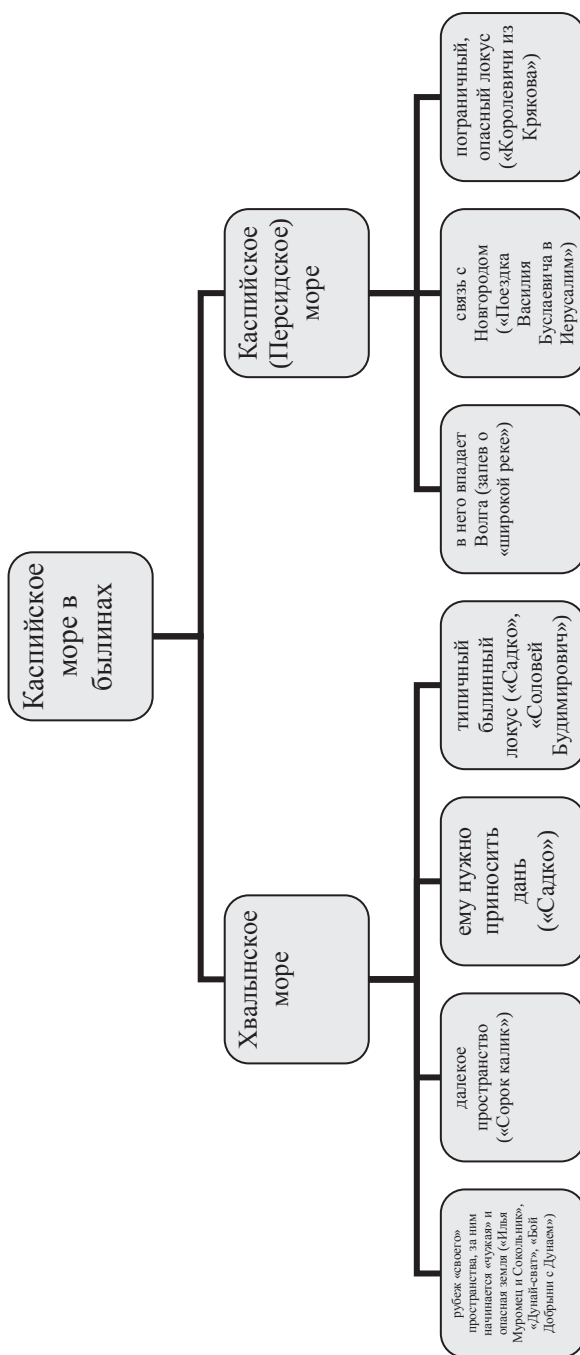

Схема 10

Как и Волга, **Дон** (от индоевр. корня *danu-* — «течь»)⁹¹, с давних пор известный восточным славянам в качестве торгового пути, лишь во времена Московской Руси стал «русским» водотоком. Через эту реку, берущую начало в северной части Среднерусской возвышенности (территория современной Тульской области) и впадающую в Таганрогский залив Азовского моря, еще в VII в. до н. э. шла торговля греческих причерноморских городов со скифами. В начале новой эры на берегах Дона селились анты. В VII–IX вв. н. э. в нижнем и среднем течении Дона располагался Хазарский каганат. Верховья занимали славяне, однако их постоянно теснили угры и печенеги. С XI в. в низовьях Дона оказываются половцы. Начиная с XIII в. эти территории находятся под контролем Золотой Орды. 8 сентября 1380 г. в верховьях Дона, в месте впадения реки Непрядвы в Дон, состоялась Куликовская битва — решающее сражение между объединенным русским войском под предводительством московского князя Дмитрия Донского и силами Золотой Орды, возглавляемыми Мамаем. Согласно традиционной точке зрения, в XV в. на Дону появляются первые поселения казаков, и с тех пор Дон оказывается неразрывно связан с историей казачества. Русские города и крепости в тех местах возникают лишь во второй половине XVI — начале XVII в.: Епифань (1566 г.), Данков (1568 г.), Воронеж (1586 г.), станица Усть-Медведицкая (совр. г. Серафимович) (1589 г.), Лебедянь (1605 г.)⁹².

Севернорусские сказители упоминают Дон в 25 текстах 14 сюжетов былин: «*Дунай Иванович — сват*» (в 5 текстах), «*Соловей Будимирович*» (в 3 текстах от 1 исполнителя), «*Добрыня и Алеша*» (в 2 текстах), «*Камское побоище*» (в 2 текстах), «*Михайло Данилович*» (в 2 текстах), «*Василий Игнатьевич и Батыга*» (в 2 текстах), «*Данило Борисович*» (в 2 текстах), «*Бунт Ильи Муромца против князя Владимира*» (в 1 тексте), «*Михайло Потык*» (в 1 тексте), «*Бой Добрыни с Дунаем*» (в 1 тексте), «*Дюк Степанович и Чурила Плёнкович*» (в 1 тексте), «*Данило Ловчанин*» (в 1 тексте), «*Хотен Блудович*» (в 1 тексте), «*Непра и Дон*» (в 1 тексте).

Дон и производное от него прилагательное «донские» встречаются в былинах, записанных на Печоре (в 2 записях), Мезени (в 5 зап.), Кулое (в 7 записях), Пинеге (в 1 записи), Зимнем берегу Белого моря (в 1 записи), а также на Пудогe (в 9 записях). В старинах Сборника Кириши Данилова Дон не упоминается.

У реки Дон как у былинного гидронима есть постоянный эпитет — «*тихи(о)й*». Встречаются также формулы «*славной тихой Дон*» (Былины Печоры, № 266; Былины Мезени, № 118), «*на тихом де Дону да на казачьком*» (Былины Печоры, № 265).

⁹¹ Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985. С. 85.

⁹² Подробнее: Магрицкий Д.В. Дон // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 257–258.

Последняя формула передает главное и основное значение Дона в былинах — **«казачья река; река, на которой живут казаки; «своя» река»**. Именно таким смысловым содержанием наполняется этот гидроним в большинстве былин из приведенного выше перечня. В составе формулы **«казаки со тиха Дона»** река появляется в 2 сюжетных ситуациях: а) в перечислении гостей на пиру у князя Владимира:

А было у ёво (князя Владимира. — С. Х.) было пированьицё,
Пированьицё было, да был почесьён пир
А про многих кнезей, да руських бояров,
А про тех хрестьянушок прожитосьних,
А про тех про купьцей-гостей торговья,
А про тех про богатырей могучие,
А про тех полениц да приудалья,
А про тех *про казаков да с тихого Дуна*
А да про тех про калик да переходя
(Былины Мезени, № 173, ст. 3–11);

б) в сцене узнавания / знакомства:

А царь ли ты ведь есть, ли царевич zde,
Ли король, ли ты королевич есть,
Али *с тиха Дону ты донской казак*,
Аль грозной есть посол ляховитский,
Аль старьи казак ты Илья Муромец?
(Былины Пудогги, № 309, ст. 241–245).

Эти сюжетные ситуации относятся к числу «типических мест» былин. Они могут попадать в разные сюжеты, но в былинах одних и тех же исполнителей они звучат примерно одинаково.

Включение казаков «с тиха Дона» в число гостей на княжеском пиру характерно для архангельско-беломорских сказителей. Их упоминали мезенцы В. Я. Тяросов и Л. К. Прокопьев (Прокофьев), куляне Е. Д. Садков и Т. И. Широкий. Ф. Т. Пономарев (Зимний берег) в той же самой ситуации использует формулу «задонские казаки». В сцене узнавания / знакомства называли «казаков с тиха Дона» пудожане Н. Прохоров и его ученик Г. А. Якушев.

В нетрадиционном контексте формула «донские казаки» обнаруживается в старине М. Д. Кривополеновой *«Камское побоище»*: в ней Илья Муромец называет так богатырей, призывая их встать на защиту родины (Былины Пинеги, № 22, 23).

В перечисленных выше ситуациях Дон выступает в качестве грамматического несогласованного определения к существительному «казаки» (*«казаки со тиха Дону»*), никаких событий на Дону в этих текстах не происходит.

Местом действия Дон оказывается в трех былинах: «Данило Борисович» (Былины Печоры, № 265, 266), «Камское побоище» (Былины Куля, № 28), «Дунай Иванович — сват» (Былины Пудог, № 323). Такие приурочения — это не общесеве́рнорусская традиция, а новации отдельных сказителей или местная традиция (в случае с печорским новообразованием «Данило Борисович»).

В былинах *о Даниле Борисовиче* все события происходят на Дону, в них Дон — это «своя» река казаков. В былинах наличествуют реально-географические подробности: на Дону живут казаки; они отправляются в устье Дона к персидскому шаху, но из-за шторма возвращаются в город Ростов:

Уж и поплыли они да *по тиху Дону*,
По *тиху-де Дону*, да по *казачкому*,
Ай хотели проплыть они весь *тихой Дон*
А к тому кабы шаху да Персичкому
<...>
А не смели они-де на морё выехать,
А к персичким берегам они поехать.
Воротились они назад *по тиху Дону*,
По тиху Дону ноньче в город Ростов
(Былины Печоры, № 265, ст. 83–86, 90–93).

Топонимический «слой» этой записи имеет позднее происхождение (Ростов-на-Дону был основан в 1749 г.). По предположению Н. В. Петрова, географические наименования могли проникнуть в текст этой былины под влиянием фольклора высланных на Север казаков⁹³.

В кулойском тексте старины «*Камское побоище*» Дон оказывается рекой, из-за которой двигаются на Русь вражеские рати:

А-й *из-за Дону-Дону*, Дунай-Дунай,
Поднимался вор-собака Кудрёванко-царь
(Былины Куля, № 28, ст. 1–2).

Далее в этой былинах Дон не упоминается. Как уже говорилось в связи с Дунаем, исконным гидронимом в данном тексте следует признать Дунай, а не Дон. Замену Дуная Доном в фольклоре Д. А. Мачинский объясняет следующим образом: «Лексема *дунай* была связана в памяти восточного славянства <...> с представлениями о плодородных южных причерноморских землях, расположенных около большой реки. И когда в XVI в. открываются реальные возможности для колонизации причерноморского Подонья, то образ Дона смешивается

⁹³ Петров Н.В. Особенности позднего былинного новообразования «Данило Борисович»: К проблеме происхождения былинных новообразований // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 года). Архангельск, 2004. С. 150.

в сознании русских с образом Дуная»⁹⁴. В процитированном былинном фрагменте Дон-Дунай имеет семантику **реки-границы**.

В одном из пудожских вариантов былины «*Дунай Иванович — сват*» богатырь Дунай отправляется за невестой для князя Владимира не в традиционную для этого сюжета Литву, а на Дон. Таким образом, Дон получает семантику **«чужого» пространства**. Отец невесты Роман Дмитриевич встречает Дуная следующими словами:

Ай слава да слава Господу,
Ай тому ли царю да небесному,
А ведь и тебя, Дунаюшко,
А ведь и Дунаюшко Господь *на Дон* принес
(Былины Пудог, № 324, ст. 135–138).

Третья по частотности былинная ситуация, в связи с которой говорится о реке Дон, после упоминания «казаков со тиха Дона» и привязки событий к Дону, — это **этиологический миф**. Об этом мифологическом мотиве уже говорилось в разделах, посвященных Дунаю и Днепру, на примере былин «*Дунай Иванович — сват*» и «*Непра и Дон*». В отдельных вариантах этих же старин от крови погибших героев может протекать река Дон:

Протеки от меня и от жоны моей,
Протеки от меня да *славной тихой Дон*!
(«Дунай-сват», Былины Мезени, № 118, ст. 377–378;
сходно — «Непра и Дон», Былины Пудог, № 329, ст. 87–91).

Поздний по происхождению сюжет «Непра и Дон» сложился на основе былины «Дунай-сват». Таким образом, одна «своя» река (Дунай) заменяется другими (Днепр и Дон), в определенный момент истории ставшими более знакомыми, чем первая — исконная, ставшая в сознании восточных славян, скорее, рекой мифологической.

Мифологическое и историческое начала в былинном Доне можно передать следующим образом (схема 11).

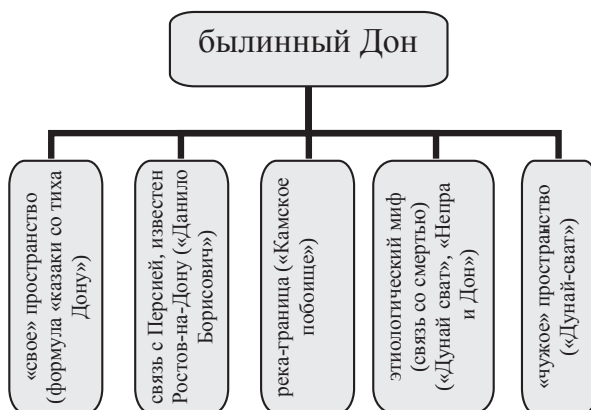

Схема 11

⁹⁴ Мачинский Д.А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 137.

Енисей (от эвенк. «большая вода, река») вошел в русское культурное сознание еще позже, чем Волга и Дон, — в XVII в. Согласно письменным свидетельствам, именно в данное столетие русские впервые вышли к берегам этой многоводной реки, образованной при слиянии рек Большой Енисей и Малый Енисей и впадающей в Карское море (протекает по территории современных Республики Тывы и Красноярского края). В 1607 г. отряды казаков прошли вдоль течения Енисея и в низовьях построили Туруханское зимовье. Енисейский острог (совр. г. Енисейск), первая русская крепость в среднем течении реки, была построена в 1619 г.; в 1628 г. возник острог Красный Яр (совр. Красноярск)⁹⁵.

Несмотря на позднее вхождение в состав Русского государства, Енисей нашел отражение в текстах былин. Эпические певцы упоминают реки *Енисей*, *Елесей*, *Несей*. Эти наименования были обнаружены в 9 текстах 7 сюжетов: «*Илья Муромец*, *Ермак и Калин-царь*» (в 3 текстах от 2 исполнителей), «*Добрыня и Змей*» (в 1 тексте), «*Камское побоище*» (в 1 тексте), «*Три поездки Ильи Муромца*» (в 1 тексте), «*Бой Добрыни с Дунаем*» (в 1 тексте), «*Дюк и Чурила*» (в 1 тексте), «*Василий Игнатьевич и Батыга*» (в 1 тексте). Все это — единичные записи: Енисей прочно не прикрепился ни к одному из былинных сюжетов. Территориальное распространение Енисея как былинного гидронима невелико: он известен на Печоре (5 записей), Пудогe (3 зап.) и в Повенце (1 зап.). Частотность упоминаний Енисея в печорских былинах Т.Г. Иванова объясняет тем, что «печорцы имели крепкие связи с Сибирским землями»⁹⁶.

Особенных формул с рассматриваемым гидронимом не сложилось. Как и другие былинные реки, Енисей может именоваться «*матушкой / маткой*» (в 6 текстах) и «*славной рекой*» (в 3 текстах).

В большинстве текстов Енисей является **рекой-границей**. В «*Камском побоище*» (Былины Печоры, № 11) на Русь наступает Кудреванко, в былине «*Василий Игнатьевич и Батыга*» — «*Ванька-царь*» (Былины Печоры, № 206), в вариантах старины «*Илья Муромец*, *Ермак и Калин-царь*» — Калин-царь (Былины Пудогы, № 242, 246, 252):

Ай как пришол он под славныи под стольнии
Ай под город под Киев он,
Ай становился ён ко *матушки да Елисей-реки*,
Ай во ты во поля во Ели́сина
(Былины Пудогы, № 242, ст. 109–112).

⁹⁵ Подробнее о Енисее: *Коротаев В.Н., Кузьминых С.В.* Енисей // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 673–675.

⁹⁶ *Иванова Т.Г.* Поздние топонимы в эпическом пространстве былин Северо-Востока Русского Севера // Русский фольклор. СПб., 2016. Т. 35. С. 63.

Согласно тексту былины, сибирская река Енисей протекает недалеко от Киева. В таком же контексте могут упоминаться Днепр и Пучай, более «подходящие» с точки зрения истории и географии и более типичные для былинного эпоса.

В качестве пограничной реки, скорее «чужой», чем «своей», Енисей входит и в текст старины *«Три поездки Ильи Муромца»* (Рыбн., № 104). В данном случае река разделяет не Русь и ее врагов-соседей, а три дороги, ведущие в Киев. Енисей становится **местом росстани**:

От матушки Елисей-реки
Ко славному граду Киеву
Три дороги есть:
В одну дорогу ехать — богату быть,
Богату быть, да препятство есть;
В другу дорогу ехать — женату быть;
А в третью поехать — убиту быть
(Рыбн., № 104, ст. 4–10).

В одном из вариантов старины *«Бой Добрыни с Дунаем»* Добрыня Никитич, увидев «чужой» черный шатер в чистом поле, не сразу принимает решение разобратся с «чужаком». В этой былине река Енисей также знаменует собой **пограничное место, место выбора**, в данном случае — нравственного:

А оттуль же (от черного шатра в поле. — С.Х.)
Добрыня да поворот даёт,
Он поехал назад да в стольнёй Киев-град,
Доеждал-то Добрыня до Несей-реки,
Он поил-де коня да во Несей-реки,
Домучись-то Добрынюшка роздумался
(Былины Печоры, № 132, ст. 34–38).

В данном примере семантически река Несей является **«чужой»**.

С этим же значением **«чужой» реки** Несей входит в былинку *«Добрыня и Змей»*, заменяя собой традиционную Пучай. Матушка предупреждает Добрыню:

Приедешь ты до Несей-реки,
<...>
Захочешь, Добрынюшка, купатися.
Поплывёшь ты, Добрыня, за праву́ струю —
Пёрва струя обманчива,
И поплывёшь ты, Добрыня, за втору́ струю —
А втора́-то струя тоже обманчива.
Поплывёшь и за третью́ струю —

Третья струя *относцива*.

Отнесёт тебя под горы под высокие
(Былины Печоры, № 11, ст. 22, 26–33).

Возможно, в данный сюжет Несей-река попала из-за созвучности: река из этого сюжета часто называется «*относцивой*».

Единственный обнаруженный нами случай, в котором былинная река Енисей называется «*своей*», — былина «Дюк Степанович и Чурила Плёнкович» (Былины Печоры, № 139). В данном тексте местом состязания героев в прыжках вместо традиционных Днепра и Пучая становится Енисей. Действие происходит в стольном Киеве:

Ай-я тут стали ребятушка срезатися,
Да стали юдалы да сподоблятися,
А поехали ёны на добрых конях
А ко той же Енисей-реке
(Былины Печоры, № 139, ст. 264–266).

Суммируем все значения былинной реки Енисей (схема 12).

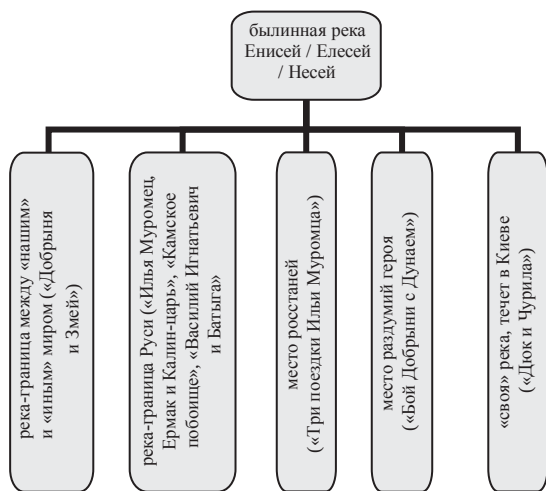

Схема 12

Подведем итоги.

Рассмотренные гидронимы демонстрируют тенденцию былин к переходу от мифологической картины мира к исторической. В былинных образах таких рек, как Дунай, Смородина и Иордан, доминирует мифологическое начало. В древнерусском гидронимическом слое присутствуют как мифологические, так и исторические черты, причем в семантике киевских гидронимов преобладает мифология, а в семантике новгородских — реальная история.

Анализ позднейших гидронимов, вошедших в художественную ткань былин в XVI–XVII вв., свидетельствует о крайне малой доле мифологии в их семантике.

Таким образом, в образах всех былинных рек в той или иной степени обнаруживается мифологическое начало. Это является еще одним свидетельством в пользу того, что в основе сюжетов былин лежат не «забытые» или «искаженные» исторические реалии (как считали представители дореволюционной «исторической школы»), а мифология.

Семантика древнейших водоемов русского эпоса демонстрирует развитие образа мифологической реки: от *сакральной реки*, являющейся статичным топонимом (Дунай, Иордан), к статичному *демоническому локусу* (Смородина, Пучай, Ильмень, Хвалынское море), далее к *реке-персонажу*, «телесным» воплощением которой служит сама водная стихия (Непра, Ильмень), а затем к *персонификации реки* в человеческом облике (Волхов-Чернава). Еще одним свидетельством мифологичности изображения рек в былинах является взаимосвязь былинных гидронимов и семантически нагруженных фитонимов (Дуная и ракиты, Смородины и дуба и березы, Иордана и кипариса, Пучай-реки и плакун-травы).

Исследование 12 былинных водоемов свидетельствует о постепенной историзации русского государственного эпоса. Реки, которые традиционно являлись границами между «нашим» и «ином» миром, в более поздних сюжетах переосмыслиются как реки-границы Русского государства (Смородина, Пучай). Река как путь в «иной» мир становится реальной транспортной артерией в другие земли (Волхов).

Ярким примером зависимости соотношения мифологического и исторического начал в былинном водном локусе от времени вхождения топонима в текст былин является образ Каспийского / Хвалынского моря. Обозначая в реальности один и тот же географический объект, в былинах эти два понятия аккумулируют в себе разные значения. Более древний гидроним *Хвалынское море* обозначает опасное, отдаленное пространство (мифологическое значение). *Каспийское же море* в былинах обозначает водоем, в который впадает Волга (реально-географическое значение).

Что касается поздних былинных гидронимов, то их проникновение в героический эпос происходит в основном за счет их фонетической созвучности (Волхов — Волга, «относливая» река Пучай — (Е)нисей-река) либо исторической «созвучности» (Днепр и Волга — важные торговые пути, Дунай и Дон — пограничные реки на юге). Мифологическое начало в этих поздних реках формируется на основе семантики исконных водоемов.

Настоящая работа выполнена на ограниченном числе гидронимов. Для более полного изучения особенностей былинного водного пространства необходимо рассмотреть редкие сакральные гидронимы (Сафат, Сахатарь, Израй, Офрак), гидронимы, проникшие в эпос в XVIII в. (Нева, Ладожское озеро, Кубань), севернорусские географические наименования (Маслеево озеро, Студеное море, Ледовитый океан, Онега, Белоозеро, Моша). Кроме того, перспективным представляется расширение круга исследуемых былин за счет обращения к записям, не учтенным при подготовке данной статьи.

Литература

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 2004.

- Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер. М., 1985.
- Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
- Бухарин М.Д. Возникновение понятия «Черное море» в средневековых географических традициях // Monumentum Gregorianum: Сб. научных статей памяти акад. Г.М. Бонгард-Левина / Отв. ред. А.И. Иванчик. М., 2013. С. 464–485.
- Былины Кулоя. СПб.; М., 2011. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 6).
- Былины Мезени. СПб.; М., 2003–2006. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 3–5).
- Былины Печоры. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 1–2).
- Былины Пинеги. СПб.; М., 2012. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 7).
- Былины Пудоги. СПб.; М., 2013–2015. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.; Т. 16–18 (1)).
- Былины Севера / Подгот. текстов и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л., 1951. Т. 2.
- Вилинбахов В.Б., Энговатов Н.Б. Где была Индия русских былин? // Славянский фольклор и историческая действительность / Отв. ред. А.М. Астахова, Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М., 1965. С. 99–108.
- Виноградова Л.Н. Мост // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 303–307.
- Волков Р.М. К проблеме варианта в изучении былин // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 98–128.
- Волхов // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 676.
- Вортман Д.Я. Почайна // Енциклопедія історії України: В 10 т. Київ, 2011. Т. 8. С. 470.
- Грищенко А.И. Клише *братъя-славяне* в русской публицистике: Современное употребление и проблема происхождения // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов междунар. научн. конф. М., 2011. С. 153–154.
- Деев М.Г., Хаин В.Е. Каспийское море // Большая российская энциклопедия. М., 2009. Т. 13. С. 275.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977.
- Зайцева И.С. Волга // Большая российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 614–616.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Дунай // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990. С. 197–198.
- Иванова Т.Г. Поздние топонимы в эпическом пространстве былин Северо-Востока Русского Севера // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 35. С. 43–85.
- Ильмень // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 120.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
- Квашнин-Самарин Н.Д. Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. М., 1871. Кн. 4. С. 78–115.
- Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.
- Коробка Н. Чудесное дерево и вещая птица. СПб., 1911.
- Коротаев В.Н., Кузьминых С.В. Енисей // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 673–675.

- Криничная Н.А.* Мифология воды и водоемов: Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск, 2014.
- Левкиевская Е.Е., Толстая С.М.* Камень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 448–453.
- Летова А.М.* Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: Специальность 10.02.01 — русский язык. М., 2012.
- Магрицкий Д.В.* Дон // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 257–258.
- Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским. М., 1905. Ч. 1.: Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица.
- Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А.В. Марковым, А.А. Масловым и Б.А. Богословским. Ч. 2: Терский берег Белого моря // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Имп. ОЛЕАЭ. М., 1911 (Известия Имп. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Имп. Мос. ун-те. Т. 114; Труды Этнографического отдела. Т. 16).
- Мачинский Д.А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110–171.
- Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1897. [Т. 1.]
- Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. 2.
- Миллер В.Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.
- Михайлова М.В.* Дунай // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 408–410.
- Назаренко А.В., Флоря Б.Н., Пашаева Н.М.* Галицкая Русь // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 328–340.
- Неклюдов К.В., Макаров Е.Е.* Иордан // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 512–519.
- Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинах // Славянский фольклор. М., 1972. С. 18–45.
- Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 2010.
- Новичкова Т.А.* Эпос и миф. СПб., 2001.
- Обозрение Киева в отношении к древностям, изданное по высочайшему соизволению киевским гражданским губернатором Иваном Фундуклеем. Киев, 1847.
- Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В 3 т. М.; Л., 1949–1951. Т. 1–3.
- Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. / Подгот. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1989–1990. Т. 1–2.
- Петров А.В.* От язычества к Святой Руси: Новгородские усьобицы. К изучению древнерусского веча. СПб., 2003.
- Петров Н.В.* Особенности позднего былинного новообразования «Данило Борисович»: К проблеме происхождения былинных новообразований // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста / Отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова. Архангельск, 2004. С. 148–158.

- Петрухин В.Я.* Дунай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 146–147.
- Плакун-трава // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. С. 443.
- Протт В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958.
- Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988.
- Путилов Б.Н.* Русские и южнославянские эпические песни о змееборстве // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1968. Т. 11: Исторические связи в славянском фольклоре. С. 31–54.
- Путилов Б.Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999.
- Роженецкий С.* Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // Известия Отдел. русского языка и словесности имп. АН. СПб., 1911. Т. 16, кн. 1. С. 28–76.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Селиванов Ф.М.* Эволюция пространственно-временных характеристик эпического повествования (Былина о Словье Будимировиче) // Фольклор: Проблемы историзма / Отв. ред. В. М. Гацак. М., 1988. С. 172–192.
- Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1978.
- Смолицкий В.Г.* Былина о Добрыне и Змее // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1971. Т. 12: Из истории русской народной поэзии. С. 181–192.
- Соколов Б.М.* Непра-река в русском эпосе // Известия Отдел. русского языка и словесности имп. АН. СПб., 1912. Т. 17. Кн. 3–4. С. 198–214.
- Строганов М.В.* Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская, И. В. Дынникова и др. М., 2017. С. 310–329.
- Тушиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Подгот. изд. и предисл. Ф. Б. Успенского. М., 2005.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб., 1996. Т. 1–2.
- Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история: (Работы разных лет). СПб., 1997.
- Эдельштейн К.К.* Днепр // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 9. С. 141–142.

References

- Ageeva R. A.* Gidronimiya Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoy informacii. M., 2004.
- Ageeva R. A.* Proiskhozhdenie imen rek i ozer. M., 1985.
- Belomorskie byliny, zapisannye A. Markovym. M., 1901.
- Buharin M. D.* Vozniknovenie ponyatiya "Chernoe more" v srednevekovykh geograficheskikh tradiciyah // Monumentum Gregorianum: Sb. nauchnykh statej pamyati akad. G. M. Bongard-Levina / Отв. ред. А. И. Ivanchik. M., 2013. S. 464–485.
- Byliny Kuloya. SPb.; M., 2011. (Svod russkogo fol'klora: Byliny: V 25 t.; T. 6).
- Byliny Mezeni. SPb.; M., 2003–2006. (Svod russkogo fol'klora: Byliny: V 25 t.; T. 3–5).
- Byliny Pechory. SPb.; M., 2001. (Svod russkogo fol'klora: Byliny: V 25 t.; T. 1–2).
- Byliny Pinegi. SPb.; M., 2012. (Svod russkogo fol'klora: Byliny: V 25 t.; T. 7).
- Byliny Pudogi. SPb.; M., 2013–2015. (Svod russkogo fol'klora: Byliny: V 25 t.; T. 16–18(1)).
- Byliny Severa / Podgot. tekstov i komment. A. M. Astahovoj. M.; L., 1951. T. 2.

- Vilinbahov V.B., Ehngovatov N.B. Gde byla Indiya russkih bylin? // Slavyanskij fol'klor i istoricheskaya dejstvitel'nost' / Otv. red. A.M. Astahova, B.N. Putilov, V.K. Sokolova. M., 1965. S. 99–108.
- Vinogradova L.N. Most // Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskij slovar': V 5 t. M., 2004. T. 3. S. 303–307.
- Volkov R.M. K probleme varianta v izuchenii bylin // Russkij fol'klor: Materialy i issledovaniya. M.; L., 1957. T. 2. S. 98–128.
- Volhov // Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya. M., 2006. T. 5. S. 676.
- Vortman D. Ya. Pochajna // Enciklopediya istorii Ukraïni: V 10 t. Kiiv, 2011. T. 8. S. 470.
- Grishchenko A.I. Klishe *brat'ya-slavyane* v russkoj publicistike: Sovremennoe upotreblenie i problema proiskhozhdeniya // Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S.B. Bernshtejna: Tezisy dokladov mezhdunar. nauchn. konf. M., 2011. S. 153–154.
- Deev M.G., Hain V.E. Kaspijskoe more // Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya. M., 2009. T. 13. S. 275.
- Drevnie Rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirsheju Danilovym / Podgot. A.P. Evgen'eva i B.N. Putilov. M., 1977.
- Zajceva I.S. Volga // Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya. M., 2006. T. 5. S. 614–616.
- Ivanov V.V., Toporov V.N. Dunaj // Mifologicheskij slovar' / Gl. red. E.M. Meletinskij. M., 1990. S. 197–198.
- Ivanova T.G. Pozdnie toponimy v ehpicheckom prostranstve bylin Severo-Vostoka Russkogo Severa // Russkij fol'klor: Materialy i issledovaniya. SPb., 2016. T. 35. S. 43–85.
- Il'men' // Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya. M., 2008. T. 11. S. 120.
- Kaluckov V.N., Ivanova A.A. Geograficheskie pesni v tradicionnom kul'turnom landshafte Rossii. M., 2006.
- Kvashnin-Samarin N.D. Russkie byliny v istoriko-geograficheskom otnoshenii // Beseda. M., 1871. Kn. 4. S. 78–115.
- Kondrat'eva T.N. Sobstvennyye imena v russkom ehpose. Kazan', 1967.
- Korobka N. Chudesnoe derevo i veshchaya ptica. SPb., 1911.
- Korotaev V.N., Kuz'minyh S.V. Enisej // Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya. M., 2007. T. 9. S. 673–675.
- Krinichnaya N.A. Mifologiya vody i vodoemov: Bylichki, byval'shchiny, pover'ya, kosmogonicheskie i ehtiologicheskie rasskazy Russkogo Severa: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii. Petrozavodsk, 2014.
- Levkievskaya E.E., Tolstaya S.M. Kamen' // Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskij slovar': V 5 t. M., 1999. T. 2. S. 448–453.
- Letova A.M. Semanticheskie osobennosti fitonimov v russkom fol'klоре: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk: Special'nost' 10.02.01 — russkij yazyk. M., 2012.
- Magrickij D. V. Don // Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya. M., 2007. T. 9. S. 257–258.
- Materialy, sobrannye v Arhangel'skoj gubernii letom 1901 g. A.V. Markovym, A.L. Maslovym i B.A. Bogoslovskim. M., 1905. Ch. 1.: Zimnij bereg Belogo morya. Volost' Zimnyaya Zolotica.
- Materialy, sobrannye v Arhangel'skoj gubernii letom 1901 g. A.V. Markovym, A.A. Maslovym i B.A. Bogoslovskim. Ch. 2: Terskij bereg Belogo morya // Trudy Muzykal'no-ehtnograficheskoi komissii, sostoyashchej pri Ehtnograficheskom otdele Imp. OLEAE. M., 1911 (Izvestiya Imp. Obshchestva Lyubitelej Estestvoznaniya, Antropologii i Ehtnografii, sostoyashchego pri Imp. Mos. un-te. T. 114; Trudy Ehtnograficheskogo otdela. T. 16).

- Machinskij D.A.* "Dunaj" russkogo fol'klora na fone vostochnoslavjanskoj istorii i mifologii // Russkij Sever: Problemy ehtnografii i fol'klora. L., 1981. S. 110–171.
- Miller V.F.* Oчерки russkoj narodnoj slovesnosti. M., 1897. [T. 1.]
- Miller V.F.* Oчерки russkoj narodnoj slovesnosti. M., 1910. T. 2.
- Miller V.F.* Ehkskursy v oblast' russkogo narodnogo ehposa. M., 1892.
- Mihajlova M. V.* Dunaj // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. M., 2007. T. 9. S. 408–410.
- Nazarenko A. V., Florya B. N., Pashaeva N. M.* Galickaya Rus' // Pravoslavnaya ehnciklopediya. M., 2005. T. 10. S. 328–340.
- Neklyudov K. V., Makarov E. E.* Iordan // Pravoslavnaya ehnciklopediya. M., 2010. T. 25. S. 512–519.
- Neklyudov S. Yu.* Vremya i prostranstvo v bylinah // Slavyanskij fol'klor. M., 1972. S. 18–45.
- Nikonov V. A.* Kratkij toponimicheskij slovar'. M., 2010.
- Novichkova T. A.* Ehpos i mif. SPb., 2001.
- Obozrenie Kieva v otnoshenii k drevnostyam, izdannoe po vysochajshemu soizvoleniyu Kievskim grazhdanskim gubernatorom Ivanom Fundukleem. Kiev, 1847.
- Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 g.: V 3 t. M.; L., 1949–1951. T. 1–3.
- Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym: V 3 t. Petrozavodsk, 1989–1990. T. 1–2 / Podgot. A. P. Razumova, I. A. Razumova, T. S. Kurec.
- Petrov A. V.* Ot yazychestva k Svyatoj Rusi: Novgorodskie usobicy: K izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada. SPb., 2003.
- Petrov N. V.* Osobennosti pozdnego bylinnogo novoobrazovaniya "Danilo Borisovich": K probleme proiskhozhdeniya bylinnyh novoobrazovanij // Kompleksnoe sobiranie, sistematika, ehksperimental'naya tekstologiya: Materialy VI Mezhdunar. shkoly mologogo fol'klorista / Otv. red. V. M. Gacak, N. V. Drannikova. Arhangel'sk, 2004. S. 148–158.
- Petruhin V. Ya.* Dunaj // Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskij slovar': V 5 t. M., 1999. T. 2. S. 146–147.
- Plakun-trava // Mifologicheskij slovar' / Gl. red. E. M. Meletinskij. M., 1991. S. 443.
- Propp V. Ya.* Russkij geroicheskij ehpos. M., 1958.
- Putilov B. N.* Geroicheskij ehpos i dejstvitel'nost'. L., 1988.
- Putilov B. N.* Russkie i yuzhnoslavjanskije ehпicheskie pesni o zmeeborstve // Russkij fol'klor: Materialy i issledovaniya. M.; L., 1968. T. 11: Istoricheskie svyazi v slavyanskom fol'klore. S. 31–54.
- Putilov B. N.* Ehkskursy v teoriyu i istoriyu slavyanskogo ehposa. SPb., 1999.
- Rozhneckij S.* Iz istorii Kieva i Dnepra v bylevom ehpose // Izvestiya Otdel. russkogo jazyka i slovesnosti imp. AN. SPb., 1911. T. 16. Kn. 1. S. 28–76.
- Rybakov B. A.* Drevnyaya Rus': Skazaniya. Byliny. Letopisi. M., 1963.
- Selivanov F. M.* Ehvoluciya prostranstvenno-vremennyh harakteristik ehпicheskogo povestvovaniya (Bylina o Solov'e Budimiroviche) // Fol'klor: Problemy istorizma / Otv. red. V. M. Gacak. M., 1988. S. 172–192.
- Novgorodskie byliny / Izd. podgot. Yu. I. Smirnov, V. G. Smolickij. M., 1978.
- Smolickij V. G.* Bylina o Dobryne i Zmee // Russkij fol'klor: Materialy i issledovaniya. L., 1971. T. 12: Iz istorii russkoj narodnoj poehzii. S. 181–192.
- Sokolov B. M.* Nepre-rika v russkom ehpose // Izvestiya Otdel. russkogo jazyka i slovesnosti imp. AN. SPb., 1912. T. 17. Kn. 3–4. S. 198–214.

- Stroganov M. V.* Bol'shaya Volga v russkom fol'klоре // Fol'klор Bol'shoj Volgi: Sb. nauch. st. / Sost. V. E. Dobrovol'skaya, I. V. Dynnikova i dr. M., 2017. S. 310–329.
- Tupikov N. M.* Slovar' drevnerusskih lichnyh sobstvennyh imen / Podgot. izd. i predisl. F. B. Uspenskogo. M., 2005.
- Fasmer M.* Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. SPb., 1996. T. 1–2.
- Froyanov I. Ya., Yudin Yu. I.* Bylinnaya istoriya: (Raboty raznyh let). SPb., 1997.
- Ehdel'shtejn K. K.* Dnepr // Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya. M., 2007. T. 9. S. 141–142.